

Б. Конофальский
ГЛУБОКИЙ РЕЙД

Книга 4
КЛЯКСЫ

18+

Борис Конофальский
Глубокий рейд.
Книга 4. КЛЯКСЫ

<https://litres.ru/73993361>

SelfPub; 2026

Аннотация

У прапорщика Саблина намечается новое дело.

Он всё ещё не отказывается от затеи спасти старого товарища.

Борис Конофальский

Глубокий рейд.

Книга 4. КЛЯКСЫ

1 Глубокий рейд

2 Часть 4. Кляксы

1 Глава 1

Второй окоп он копал... оттого, что нужно себя перед боем чем-то занять. Если не найти себе занятие – будешь курить без конца. Ну а ещё на всякий случай, конечно... Мало ли как дело пойдёт. Высадятся ребята на южной оконечности островка, так, чтобы пулемёт из ДЗОТа их не доставал, они же этот остров лучше Саблина знают, осмотрятся и оттуда с юга, через камыш, акацию и бузину, пойдут потихонечку к зданиям, а с болота, с востока, будут крыть весь восточный берег с бортов из пулемётов, а те, что высадились, будут огонь корректировать... или дрон запустят. Ну, для дрона у Акима было кое-что из припасов самих бандитов... дронов он не боялся. А вот если на острове у них «глаза» будут... Тогда окопчик под бузиной, что в тридцати шагах от берега, – укрытие так себе. Из него камер высунуть не получится без перспективы поймать на шлем «двенадцать миллиметров». Ну, во всяком случае, Саблин сам бы так остров брал. А ещё, конечно, у них миномётник имеется. Пусть

хоть самый захудалый, хоть в пятьдесят миллиметров, должен быть. Этот Чиёншох, как говорил Панов, бандит удачливый, а значит, денежный, у него всё должно быть, что только может в болоте понадобиться, а лодок у него много, так что один такой ствол и десяток мин к нему он с собой привезти должен... Ох, как неприятно то будет. В блиндаже, да или в ДЗОТе, казака миномёт разве что слегка потревожит... А вот если в окоп залетит... Камеры, моторы, привода, антенны, микрофоны... Всё, что угодно, и в любых сочетаниях. Это если ещё не ранит, не ломает костей и не контузит.

В общем, второй окоп лучше было бы иметь – и для смены позиции, и для смены угла огневого контроля... Да и спокойнее с запасным окопом как-то.

Аким выкопал его метрах в двадцати от мусорки, около северного здания, того, в котором бандиты держали пленных. Расположил его почти на углу так, чтобы видеть и заднюю часть ДЗОТа, и заросли, что тянулись вдоль западного берега. А чтобы к нему не подошли, скрываясь за зданием, там он поставил две мины. Одну ближе к зарослям, другую почти на углу. Вдруг умный какой обойдёт ДЗОТ, пройдёт за домами и из-за угла будет постреливать в сторону его окопа.

Ну вот, теперь он чувствовал себя поспокойнее. Но волнение его не покидало. Прапорщик уложил последнюю лопату грунта на бруствер, прибил его. А тут опять мальчишка выходит из здания. Саблин, утрамбовывая грунт на бруствере, кричит ему:

- Михаил! Не надо здесь ходить!

- Чего? – не сразу понимает мальчишка слова из динамик-ков.

- Не ходи тут, – Саблин отбивает лопату и перчаткой снимает с неё остатки грунта. – Я же тебе говорил уже, здесь мины везде. Вернись в здание! Там будь.

Но парень не торопится уйти и кричит в ответ:

- А мне второй казак... сказал погулять!

«Что ещё за дурь? Зачем он его выставил на улицу?».

Саблин ничего не понимает, прячет лопатку, вылезает из окопа, забирает ранец и дробовик и идёт к «комендатуре», где теперь собрались все пленные. Судя по всему, и Кульков. Проходя мимо паренька, он интересуется:

- А чего он тебя выгнал-то?

- Не знаю, - отвечает Михаил. И идёт за ним. – Сказал: иди погуляй пять минут.

- Ладно, сейчас разберёмся, – говорит Аким и почему-то начинает злиться на Кулькова. Ему бы в ДЗОТе быть, подготовиться, пойти берег осмотреть как следует, чтобы знать, что там да как, может, пристреляться немного, а он там с мирняком почему-то... Что он там вообще делает?

В общем-то, он мог и догадаться. Вошёл с Михаилом в здание... В одной комнате, в большой, все бывшие пленные за столом собрались, весь стол заставлен разными продуктами, тощий всё ещё ест, остальные просто сидят, один из детей спит прямо тут же, у стола на лавке, наелся уже. А вот

Кулькова здесь нет.

«Ну и где он?».

Аким продолжает злиться. Люди глядят на него, все как один, как будто ждут, что он им что-то скажет. Саблин ничего им не говорит, даже забрала не поднял, поворачивается и идёт дальше. В кубрике с кроватями Кулькова тоже нет, только дети не спят, они поднимают головы, взгляды перепуганные: чего? Но он и оттуда уходит, ничего не сказав... Ну куда ещё тут деться можно?

«Мыться, что ли, задумал? Когда нужно готовиться к бою...».

Прапорщик направляется к помывочной, а дверь заперта изнутри, там кто-то есть. Так-то Аким был человеком сдержанным, но тут стучаться не стал, злился на казака, и лишь нажал на дверь без особого усилия. Дверь-то барахло – кривая и негерметичная, дешёвый белый пластик, и задвижка на ней ерундовая, копеечная, вмиг отлетела... И дверь распахнулась...

Сразу ему бросилось в глаза белое пятно женского тела... Полина, со спущенным до колен комбинезоном и задранной едва не до головы рубахой. Она стояла нагнувшись, держась за стену... И смотрела на Акима... нет, не с испугом, а скорее со смущением... А сзади к ней пристроился... конечно, Кульков. Он снял доспех и был в одной эластичной кольчуге. Казак держал женщину за зад и тоже смотрел на командира, и если женщина молчала, то Кульков произнёс с упрёком:

- Атаман, ну...!

Саблин молча закрыл дверь и пошёл из дома на улицу. Прапорщик и вспомнить не мог, когда он так злился в последний раз.

Кульков! Человек, получивший за храбрость очень редкую награду. И вот тебе на... Аким просто не понимал его, оттого и злился... И не понимал по двум причинам: во-первых, надо бы к бою готовиться, а не это всё... А во-вторых... Она же, скорее всего, заражена чесоткой и паразитами... Блохи, лобковые вши, проклятушие микроклещи, которых выводить ещё то дело...

«Голова у дурака есть на плечах?».

А если ещё какая болезнь из этих самых... Как он собирался потом в станицу возвращаться? Пришлось бы в госпиталь обращаться, слухи бы пошли, жена бы узнала...

«Нет, одно слово – дурак!».

Саблин пошёл почему-то в ДЗОТ. А Мишка, всё ещё торчавший на улице, потащился с ним.

- Господин казак, можно я с вами?

Прапорщик думал его прогнать... Уже остановился, обернулся к нему, так они оба замерли, мальчик смотрел на шлем, а Аким видел за грязными стёклами его очков мальчишеские глаза. И... не стал прогонять.

- Здесь мины везде, и там, у двери в ДЗОТ, тоже стоят; иди за мной след в след. Понял?

- Угу, - кивает Мишка, он всё слышит, каждое слово боль-

шого человека в грозной броне, мальчик всё понимает.

- Не «угу», а «есть, товарищ прапорщик»! – доносится из динамиков, и приказной тон добавляет серьёзности в их беседу.

- Есть, товарищ прапорщик! – сразу повторяет мальчик.

- Оступишься... шаг не туда – всё! Если не убьёт сразу, то ноги поотрывает, кровью истечёшь за минуту. Я ничего сделать не успею. Понятно тебе?

- Угу,- снова кивает мальчишка.

- Не «угу», а «так точно, товарищ прапорщик».

- Так точно, товарищ прапорщик.

Они идут дальше, Аким через камеру заднего обзора поглядывает на мальчика... Тот старается, делает большие шаги, чтобы, как приказано, идти след в след. Они спускаются к двери ДЗОТа, и Саблин, открывая бронированную дверь, останавливается, показывает:

- Тут мина. По следам иди, на меня. И вон там, на углу, ещё одна.

- Угу, - кивает Мишка. Глаза у него от серьёзности круглые стали. Он понимает, что это всё не шутки. Они заходят в бетонное здание, потолок низкий, прапорщик чуть пригибается, чтобы не задеть его камерами. Начинает оглядываться. Пулемёт накрыт кожухом.

«Ну, хоть с этим у них порядок».

Тут же две упаковки с лентами. Запылённые, видно, давно лежат, упаковка с гранатами. Шесть штук стандартных «еди-

ниц». И упаковка десятимиллиметровых патронов для «тэшки». Тут же ящик со всякой мелочью, консервированной водой, пустыми магазинами для «Т-10-20» какими-то проводами. Мишка, как и положено всякому мальчишке, лезет к пулемёту. Пытается разглядеть, что там под кожухом.

Саблин подходит и снимает с пулемёта защиту... В нём опять начинается клокотать злость. Почему? Да потому, что не он должен это делать, а Кульков. Всё проверить и доложить ему. А Николаю... некогда сейчас. Аким уже два окопа выкопал, мины где-то снял, где-то поставил, и вот теперь занимается тем, что проверяет готовность важного участка к бою. Того участка, на который он собирался поставить Николая.

Аккумулятор был заряжен, прицельная панорама пулемёта сразу выдала хорошую картинку. Прапорщик оттягивает затвор, откидывает крышку... Механизм... ну, в его полку пулемётчик за содержание оружия в таком состоянии получил бы выговор, но тут бандиты... В смазке механизма чернота, осела грязь. Не так чтобы много, но не разбирали оружие давно. В общем, если не придирааться, он был готов к ведению огня. И вообще, ДЗОТ спланирован был толково. Две узкие и длинные амбразуры, одна выходит на восток, другая на юго-восток. Удобная станина с шарниром позволяла без усилий и быстро перенести пулемёт от одной амбразуры к другой. Он кладёт прозрачную упаковку с лентой рядом с пулемётом и потом накрывает орудие. И снова злится. Пулемёт нужно пристрелять. А делать это необходимо тому, кто

будет за ним работать. Но пулемётчик обслуживает сейчас другие «агрегаты». Ему не до пристрелки.

Саблин раздражён; хорошо, что у него имелся надёжный способ успокоиться. Ему надо было найти себе дело. Он берёт коробку со всякой ерундой и набирает оттуда пластиковых магазинов для винтовки, берёт те, что поновей и менее искривленные. Бросает их на верстак у стены. Потом разрывает упаковку с патронами и высыпает туда же... Скидывает перчатки брони и начинает снаряжать магазины.

Мишка, который как будто чувствовал его нехорошее настроение даже через броню и до сих пор не произнёс ни слова, подходит к нему и говорит:

- Можно я вам помогу?

- Умеешь? – интересуется Саблин. И, не дожидаясь ответа, подвигает к нему патроны и один из магазинов.

- Попробую, - отвечает Михаил, берёт магазин и первый патрон... И Саблину понравилось, что парень не стал сразу пытаться уложить патрон на пружину, а сначала посмотрел, как это делает он. Посмотрел, перевернул патрон и положил его правильно. Саблин же укладывает патроны в магазин машинально, как автомат. Ловко, быстро... Раз, раз, раз... И всё, магазин снаряжен. Аким ударяет им о стол и кладёт его в сторону – готово. Миша с интересом смотрит, как он это делает, а потом произносит:

- А вы, господин казак, с дробовиком.

- Я штурмовик, мы работаем с дробовиками, – Аким берёт

пустой магазин и вываливает из упаковки ещё патронов на верстак.

- А почему не с винтовками? - спрашивает мальчишка и начинает укладывать очередной патрон.

Саблин достаёт из подсумка один патрон для дробовика. Жакан. Ставит его на стол. Берёт один винтовочный патрон, ставит его рядом:

- Какой сильнее ударит?

- Ну этот, - говорит парень и указывает на жакан. - Он толще.

- Да, толще, пороха в два раза больше, жакан в два раза тяжелее пули, - соглашается Саблин. - Штурмовые работают на короткой дистанции, из-за щита; когда добрался до вражеского окопа, нужно разить врага с одного выстрела. Ударил над щитом в шлем, и чтобы от шлема забрало отлетало, или в ногу ударил, и чтобы все привода на колене или ступне разлетелись... Ну, иной раз выстрелом и щит из руки у врага можно вырвать. Даже если в кирасу бить, и то удар такой силы получается, что вся электроника в броне перегружается... Да и человеку, чтобы в себя прийти, тоже пара секунд требуется... ну, чтобы отдышаться после удара... А пуля... - тут он берёт винтовочный патрон, - она на дистанции хороша, для прицельной работы. Понятно?

- Угу, - кивает Миша.

- Не «угу»! А «так точно, товарищ прапорщик!»», - поправляет его Саблин, прячет жакан в подсумок и снова бе-

рётся за патроны и магазины.

Миша тоже продолжил снаряжать магазин, а Аким и интересуется:

- Значит, теперь домой поедешь?

- Поеду, - отвечает парень.

- А к кому? Есть кто у тебя?

- Да нет... Родителей давно нет, я у тётки Тамары живу. Раньше в доме нашем жил, один, но там стёкла побили... Жить там нельзя больше... Но Тамара бедная, им с Маринкой, дочкой её, самим огорода не хватает. Да и не родная она мне. Так, приютила. Я туда мыться к ней больше хожу. Я на давилке иной раз живу. При Иване хозяине. Помогаю ему, - рассказывает Михаил.

- Рыбу, значит, давишь?

- Если Иван скажет, то да. Он человек хороший, меня не прогоняет, - продолжает мальчишка. - Говорит, спи тут, если больше негде. Вот я рыбакам и помогаю, рыбу там донести или масло в мотор налить... Или лодку помыть. По-всякому помогаю. Они мне что-нибудь дают. Хоть улиток или ещё что, - он наконец набивает магазин. И так же, как и Аким, перед тем как положить его, стучит коробкой по столу. «Утрамбовывает» патроны.

- А за рыбой тебя не берут? - вся упаковка патронов снаряжена в магазины, Саблин бросает обрывки пластика в коробку, магазины начинает раскладывать в подсумок.

- Не-е... На рыбалку никто не берёт, отец тоже не брал, я

тогда ещё маленький был, а когда вырос, так он к тому времени в болоте сгинул.

- Аким! – это уже доносится из наушников. СПВ. Кульков. «Управился наконец!».

- Приём, – откликается Саблин.

- А ты где?

- В ДЗОТе.

- Иду.

- На углах мины, по следам иди.

- Принял, – заканчивает Николай.

И Саблин тут стал думать о том, что не первый раз уже встречается с подобным. Вот и Кульков как раз тому подтверждение. Человек в бою ведёт себя безупречно, может быть абсолютно хладнокровным, да и грамотным, умелым. Но вот что касается службы, повседневной военной работы, так тут выясняется, что он малость... раздолбай. Да, Аким уже видел таких. За ними глаз да глаз. Такому приказ отдал, так потом обязательно нужно проверить выполнение. И вот этот случай, с этой Полиной. Ну не может вменяемый человек так неразумно себя вести... Ан нет, оказывается, может...

«Раздолбай!»

2 Глава 2

- Я смотрю, ты там уже окоп отрыл? – замечает Кульков, заходя в ДЗОТ и закрывая бронированную, не сразу подда-

ющуюся дверь. И, оглядевшись, добавляет: – А неплохо они всё здесь устроили...

- Осмотрись тут, - коротко говорит ему Саблин. Прапорщик как раз думает, что этот ДЗОТ и здания на островке строили не бандиты. – Это твой участок.

- Есть осмотреться. Пулемёт рабочий? – Николай снимает кожух. – О, не старый ещё, – он включает панораму и водит стволом пулемёта вдоль амбразуры. – И камера неплохая, - потом откидывает крышку, заглядывает в механизм. И вдруг говорит: – Слушай, Аким, ты не злился на меня... Просто баба приятная больно... У меня давно... никаких таких не было... Я же даже на девок из чайной не смотрю. А тут вдруг сама такая предложила... Говорит, отблагодарить вас хочу. Спасли, мол.

- Вши у неё, - замечает ему Саблин. – У них здесь у всех чесотка. И микроклещи... Ты их руки, лица видел? Тут и медиком быть не нужно; и без соскоба ясно, только по красным пятнам понятно – сто процентов они клещом кожным заражены... Вот запустишь себе клеща под броню... да вместе с чесоткой... Будет тебе тогда благодарность за спасение.

- Да я почему так долго... - объясняет Николай. – Я же мылся потом, и инсектицидом облился... Я, как вернёмся, ещё в лазарет схожу. Проверюсь. Всё в порядке будет.

- Ну, про «всё в порядке», то дело не моё, это ты потом жене своей про это расскажешь, а вот то, что ты всякой хренью занимаешься, пока я окопы копаю... За это, казак, как

твой командир, я имею право высказать тебе своё неудовольствие.

- Принял к сведению, товарищ прапорщик, - официально отвечает Кульков. Хотя они сейчас и не в призыве, а в рейде.

А Саблин ещё и добавляет:

- И чтобы к кубрику в лодке близко не подходил. Я не хочу потом чужую лодку от клеща и чесотки из-за тебя дезинфицировать.

- Есть не подходить к кубрику, - отвечает Николай.

- Пошли, - говорит Саблин и берёт винтовку, - покажу, где мины расставил, - когда они вышли, мальчик собирался идти с ними, но Аким говорит ему: - Михаил, в дом иди. Посиди там. Погулял - и будет.

Они обошли остров, Саблин показал Николаю, где стояли мины и где он поставил ещё. И пока обходили, Кульков, понимая, что Аким зол, старался его хоть как-то разговорить:

- Думаешь, этот Глаз приедет свой товар отбивать?

- У него тут куча пленных, не считая замороженных трупов... - отвечает Аким нехотя. - Не знаю, сколько ему за это заплатят... В общем, Бог его знает, - Саблин надеется, что Чиёншох всё-таки зайвится отбивать свой «товар».

- Слушай, а кто же ему платит? - продолжает спрашивать Кульков.

- Да откуда мне знать... Переделанные, наверное... - рассуждает Аким. - Дадут ему меди, - тут они подходят к мостушкам, что уходят в болото на несколько метров. И пра-

порщик говорит: – Я фугас там в воду уложил, – он указывает перчаткой на конкретное место. – Детонатор у меня.

- Может, на вибрацию его поставим? Чтобы во время боя не заморачиваться. Пусть фугас сам работает, – предлагает Кульков.

- Так и сделаю, – отвечает Аким. С ручного детонатора можно было выставить на взрывателе любой режим срабатывания.

- А этот Глаз, он, прежде чем на островок этот заявиться... - продолжает тогда Николай, – он, наверное, дрон кинет, посмотреть что тут да как.

- Я бы так и сделал, - они теперь идут вдоль западного берега островка, тут за зарослями бузины – сплошной кустарник, колючая стена. Здесь бандитам высадиться будет сложно. Конечно, сегодня Аким и Николай вышли на сушу почти в таком же месте, почти через такие же кусты. Но на их стороне был эффект неожиданности... Но казаков, ожидающих атаку, врасплох застать не получится. Моторы они услышат, сразу поймут, откуда пойдёт накат. А тех, кто вылезет из воды и полезет через кусты, один прижмёт к земле огнём, второй закидает гранатами. Дело для пластунов обычное. А может быть, с такой задачей и один управится.

- Вот тут и тут... - Саблин указывает те мины, что поставил за домом. – Вроде все показал.

- Значит, ждём дрон, – подытоживает Кульков. – Может, я тогда ракетницу возьму.

- Бери, – соглашается Аким. – Только сразу дрон валить не нужно, пусть он нас увидит, пусть поймёт, что нас тут мало. Они, конечно, и через камеры это видели... Но пусть будут уверены... А то, если будут сомневаться, ещё плюнут да повернут обратно. А нам нужно, чтобы они сюда высадились.

- Есть не валить его сразу, - говорит Кульков.

А Акима тут и осеняет, и он останавливается.

- Вот чёрт!

- Чего? – Кульков остановился тоже.

- Дрон прилетит и рассмотрит, что лодки нашей у мостков нет, – поясняет Саблин. – Поймёт Глаз, что мы её в засаде где-то поставили. Начнут вокруг острова рыскать – осматриваться, и Дениса могут найти, и лейтенанта... Поймут, что засаду мы им устроили, и уйдут.

- Обязательно уйдут. Шкура, она подороже всякого товара будет, - соглашается Николай. – И что делать будем?

- Надо Мирона с Денисом звать, - решает Саблин. – Пусть до тех пор, пока дрон не прилетит, лодку у мостушек поставят. Чтобы Глаз её видел и не волновался.

Кульков с ним полностью согласен. И Аким включает рацию; хоть и не хочется ему, да придётся выходить в эфир.

Бам-бам-бамм... Звук тяжёлый, мощный. Это Кульков наконец решил проверить пулемёт. Бам-бамм... Бам-бамм...

И тут же слышатся моторы, это Денис подводит лодку к

острову. Поставил он её у самого конца мостушки, чтобы рядом с фугасом винтами лишний раз не «вибрировать». Детонатор отключён, но всё равно. А Денис и Мирон и тому были рады. Хоть по суше пройтись, поесть консервированных фруктов. Благо их тут у бандитов – ящики. Но прежде чем они вошли в помещение, Кульков их предупредил:

- Вы поаккуратнее там с людьми, вши у них, чесотка... И грибок ещё у одного.

«Молодец... Бдительный», – замечает про себя Аким.

Ну, казаки отдохнули, но радиста Аким вскорости вернул на лодку. Пусть у станции сидит, импульсы электромагнитные ищет. А вот Денис попросил разрешения помыться. Душ же имеется, воды навалом.

«Как они только не боятся? - удивлялся Саблин. – Там чесоточные мылись только что. Клещи, вши...».

Сам Аким привык к домашней чистоте, Настя у него была на этот счёт очень серьёзна, да и на фронте помывочные содержались всегда в порядке. Так что...

- Нет, не надо, Денис... Ну его, этот душ, от греха подальше...

Они уже давно проголодались. Набрали себе с Денисом еды на складе у бандитов. Персиков рубленых пару полулитровых банок, большую банку свиной тушёнки, галеты, две упаковки паштета, и даже упаковку офицерского напитка из цитрусов с большим содержанием витаминов.

Брони не снимали, перчатки и шлемы скинули. Сели за

маленький столик есть, в отдельную от людей комнатушку. Саблин на том настоял, а Полина вроде как помогала им, помогала. А Денис, вроде спокойный к женщинам, на Полину внимание обратил, и когда она вышла, замечает:

- Приятная женщина.

«Ещё один, что ли?». Аким только и смог ему сказать:

- Вши у неё и чесотка... Кажется.

- Да я так просто... - говорит Денис и открывает упаковку с паштетом. И, заглянув в неё, продолжает чуть разочарованно. – С лапами, что ли...?

Саблин на это качает головой:

- Привереда, однако... Денис... а ты давно в офицерских столовых стал питаться?

- Да я так... - Калмыков смеётся и намазывает паштет на галету толстым слоем.

Ну, паштет, конечно, не самый изысканный, но вся остальная еда отличная. Аким голоден, он бы и кашу поел кукурузную или гороховую с удовольствием, а тут вон какие разносолы. У них в лодке тоже еда хорошая, но свою нужно поберечь, если есть трофейная. Вот только всё доесть они не успели. Пришёл Кульков, в руках у него ракетница... Саблин, как увидел его с этим оружием, сразу насторожился:

- Чего, Николай?

- Мирон импульс слабый засёк...

И тут Аким вздыхает:

- Дрон?

- Высота тысяча двести метров, - докладывает Кульков, - восемь шестьсот юго-восток, к нам идёт.

Саблин знает, что Фарафонов дрон запускать не станет, не будет лейтенант себя демаскировать. А значит, то дрон бандитский.

«Гора с плеч».

Аким чувствует облегчение. Всё то время, что он провёл на островке, не давало ему покоя сомнение: а вдруг Чиёншох не придёт? Вдруг плюнет, скажет себе: других наловим. Но вот появился дрон... Значит, жадность у бандита перевесила осторожность.

«Пришёл всё-таки! – но теперь прапорщик стал волноваться о другом. - Только вот не ушёл бы!».

Денис быстро закинул кусок тушёнки в рот, запил его напитком, хотел было вставать уже, но Аким положил ладонь ему на плечо и говорит на удивление спокойно:

- Не спеши, Денис. Доедай, – и потом Кулькову: – Пусть Мирон его ведёт, пусть поближе подойдёт, и лодку, и нас рассмотрит. Мы сейчас доедим и выйдем. Надо, чтобы Глаз понял, что лодка тут одна и нас всего четверо; как близко подойдёт, как всё увидит, так и сбивать его будем. А пока ты, Николай, ракетницу убери. Не пугай их, а то вдруг разглядят.

- Есть не пугать их, - говорит Кульков и уходит.

Они с Денисом доедают, начинают крепить перчатки, Денис уже шлем подключает к кирасе, и тут в их комнатушку заглядывает Полина. Зашла, вроде со стола начала при-

бирать, убирает пустые банки, и вдруг говорит, между делом как бы:

- Господин офицер, а что там? Глаз, что ли, едет сюда?

- Откуда такая у вас информация? – интересуется Саблин, он уже закрепил перчатки и взял в руки шлем.

- Да Николай что-то ходит туда-сюда, и оружие у него в руках другое... Не винтовка. Вот мы и думаем, – объясняет женщина.

- Наблюдательные вы, – замечает ей Аким.

- Ну так что, едет к нам Глаз? – не отстаёт Полина.

- Будем надеяться, – говорит Саблин и надевает шлем.

Подключает его к питанию.

- А вас, что, всего четверо? – видно, что женщина волнуется и... кажется, сомневается в казаках.

- Думаешь, мало, что ли? – смеётся Калмыков.

Женщина смотрит на него с удивлением, она не понимает, как этот человек может смеяться сейчас, когда сюда едут такие опасные люди. И она говорит тогда:

- У Глаза людей много.

- Сколько? – сразу интересуется Аким.

- Человек пятнадцать, - сообщает Полина едва не с придыханием, мол, это не шутка.

«Ерунда... Лейтенант говорил, что больше он может собрать. Ничего она не знает про него, придумывает».

- Ну-у, это ещё не много, - с некоторым разочарованием тянет Денис.

- Вы имейте в виду... - предупреждает женщина. - У них тоже ружья разные и бронекостюмы, как у вас.

- Вот и хорошо, – вдруг радуется Калмыков. – Больше нам всякого ценного достанется.

А Полина делает круглые глаза и говорит с удивлением:

- Ох и лихие вы люди, ох и лихие.

Калмыков улыбается от удовольствия... Видно, не так часто его хвалят. А вот Саблину кажется, что восхищение Полины чуть показное, просто перед ними хитрая бабёнка, которая хочет подольстится к казакам.

Когда они выходили на улицу, уже перед тем, как закрыть забрало, Денис и говорит:

- Очень приятная всё-таки женщина. Да, Аким?

Саблин ничего ему на это не говорит. Он что-то злится и на Дениса, и на Полину.

«Вот дурак... Слепой, что ли? Несерьёзные всё-таки люди. Бой на носу, а они бабой хитрой восхищаются!».

Саблин, выйдя из помещения, сразу включает СВП (связь прямой видимости).

- Мирон!

- Здесь! – откликается радист из лодки.

- Ну что там?

- Четыре тысячи двести, облетает нас по кругу, сейчас на юго-западе, – отвечает Карасёв.

Аким вздыхает: теперь не улетел бы.

3 Глава 3

Всё-таки Мирон – человек грамотный, он накрыл станцию брезентом и принял расслабленную позу. Винтовку тут же к банке прислонил, и оператору дрона не должно было казаться, что кто-то из казаков следит за окружающим пространством. Просто часовой развалился в лодке. А трое других подошли к воде и всё смотрят куда-то. Видно, что-то обсуждают. Саблин надеялся, что бандиты это увидят. Он хотел показать им: нет тут больше никого, лодка одна, а нас всего четверо, и мы понятия не имеем, что вокруг нас кружится дрон.

- Мирон, - говорит прапорщик через некоторое время. – Где он?

- Тысяча сто семьдесят высота, четыре тысячи сто, юг-запад-запад.

- С четырёх тысяч не достанем его, – размышлял Кульков. – Далеко. Оператор засечёт пуск, он сразу вниз и «нырнёт». Тысяча двести метров – мало, десять-двенадцать секунд, и дрон уже у деревьев, а мы его не видим. И тогда всё – считай, ракету зря пустили.

Это было всем понятно.

- Мы и не будем с четырёх тысяч его бить, - говорит Саблин. – Подождём, пока на две не подойдёт.

- А вдруг не подойдёт на две? – предполагает Калмыков.

- Может и не подойти, - замечает радист.

- Почему так думаешь? – сразу спрашивает Саблин.

- Сигнал дохленький. Еле теплится... – отвечает ему Мирон. – То ли передатчик у дрона барахло... А может, аккумулятор подсел... Хотя если аккумулятор сел бы, так они его уже обратно повернули бы, а он вон – кружит вокруг, уже запад-запад-север, три восемьсот восемьдесят...

- Может, у них ретранслятор где есть, как на Енисее, помните? – вспоминает Денис.

- Ну так я бы ретранслятор видел, а тут, говорю же, ничего... - объясняет радист. – Или он уж совсем далеко...

- А моторы слышно? – не отстаёт от него Калмыков. И это он спрашивает зря: пояись в эфире импульсы моторов, Мирон о том в первую очередь сказал бы.

- Не... - отвечает радист беспечно. – Только дрон болтается.

«Ну хоть так. Значит, пришёл Чиёншох. Пусть кружит, пусть у него самый плохой дрон на болоте, пусть смотрит всё, что хочет, лишь бы не повернул обратно!».

- Николай, - говорит Саблин; он думает, что нужно им вести себя степенно, а не торчать всем отделением на берегу, - давай в ДЗОТ. А ты, Денис, вернись в комендатуру.

Казачи выполнили приказ, а Аким пошёл вдоль берега, слушая доклад Карасёва.

- По кругу обходит, тысяча двести высота, две тысячи восемьсот север ровно, – он уже закончил доклад и почти сразу добавил с заметным возбуждением: - Аким! Мотор! Сигнал – импульс чёткий, сдвоенный, девять тысяч двести метров...

Юг-юг-восток...

- Ну наконец-то! – не сдержался Саблин. Он остановился. Захотелось закурить, и он не выдерживает – идёт к зданию, где держали людей.

- А что значит сдвоенный сигнал? – Денис ещё не зашёл в комендатуру.

- Два мотора на одной лодке, - поясняет Мирон. И спрашивает: - Атаман, что делаем?

- Ведём пока наблюдение, - отвечает Саблин. А сам поворачивает шлем к северу, выкручивает зум камер до предела, но коптер в небе не находит. – Теперь надо бы дрон хлопнуть. Николай, ракетница при тебе?

- Тут, у меня, - отвечает Кульков, он стоит у открытой двери ДЗОТа. – Что? Бьём?

- Погоди малость, – Аким, честно говоря, не знает, что делать. Лодка уже появилась. Дрон пора приземлять... Вот только он ещё далековато. Опытный дронавод успеет вывести свою «птицу» из-под удара.

- Атаман! Второй мотор... Рядом с первым. За первым идёт, – докладывает радист.

- К нам идут? – уточняет прапорщик.

- Так точно, движутся к нам, – Карасёв замолкает на несколько секунд и после добавляет: - Атаман... Третий мотор...

- Пошли, значит, - резюмирует Кульков. – Ну что, атаман, бьём дрон?

- Мирон, где дрон?

- Две восемьсот от нас, север-север-восток.

- Ждём, – отвечает Саблин. Ему срочно нужно перекурить. – Следи, Мирон, за ними.

Он двинулся дальше к зданию. Хотел открыть забрало и выкурить сигарету с комфортом, чтобы не прятаться от пылицы. А радист и говорит ему:

- Аким! Четвертая лодка.

И снова тут интересуется Калмыков:

- Мирон, и что же, у всех у них двойные моторы?

- Так точно. У всех по два раздвоенных импульса, – подтверждает Карасёв.

- Большие, значит, лодочки, - вслух размышляет Денис. – Человека по четыре в каждой будет.

«Шестнадцать человек пока», – прикидывает Саблин и с каким-то злорадством напоминает ему:

- Так ты сам хвалился Полине, что тебе пятнадцать бандитов – это раз плюнуть.

- Так я разве что говорю? – сразу откликается Калмыков.
- Нехай сюда едут.

А Мирон тут ещё добавляет:

- Пятая лодка.

- Ишь ты! – это уже произносит Кульков. – Решили навалиться как следует.

- Интересно, лейтенант их уже тоже обнаружил? – размышляет Калмыков.

- Думаю, он о них ещё раньше нас знал, - отвечает ему Мирон.

«Пять лодок! Два десятка человек, – и вот теперь-то прапорщик вдруг успокаивается. – Значит, собрались всерьёз брать островок. Значит, уже не уйдут!».

Он запер за собой дверь и открыл забрало шлема, закурил. То, что у него прервалась связь с товарищами, сейчас его заботило мало, это на пару минут. Ему нужно было время, чтобы просто отключиться от всего, ни о чём не думать, прийти в себя. Давно он не получал такого удовольствия от первой затяжки. Саблин снимает и винтовку, и дробовик, ставит их к стене и присаживается на какие-то ящики, что были тут же у входа. Вернее, прислоняется к ним аккуратно, чтобы не раздавить их. Он курит, растягивая удовольствие, и после каждой затяжки делает долгие паузы, но не успевает выкурить и половину сигареты, как за дверью слышится:

- Атаман! – это чуть искажённый динамиками голос Кулькова.

- Чего? – кричит Саблин через дверь.

Дверь отворяется, и появляется шлем.

- Мирон сказал, что дрон на востоке от нас, расстояние две шестьсот. Как раз бить его... Мирон сказал, что дальше удаляться начнёт.

Саблин не закрывает забрала и не встаёт с ящиков. Две тысячи шестьсот метров.

- Собьёшь?

- Попробую, - Кульков не обещает, но Аким и не требует от него обещаний.

- Давай, - он снова делает затяжку.

- Есть, - Николай закрывает дверь.

И Аким снова остаётся один, докуривает. Старается не торопиться и даже думает закурить следующую, но не может усидеть. Он забирает оружие и, захлопнув забрало, выходит на улицу.

И как раз в это время...

Фушшшш.... Резкий хлопок и шипение, едва не переходящее в свист... На берегу стоит Кульков с ракетницей у плеча... Его сейчас отвлекать нельзя, он удерживает цель, а быстрая и небольшая ракета летит к ней по лучу.

Раз... Два... Три... Паххх... Едва уловимый внешними микрофонами далёкий хлопок. Кульков опускает ракетницу и докладывает:

- Накрытие.

- Попал? – зачем-то переспрашивает Калмыков.

- Оператор проморгал пуск, - поясняет Николай и добавляет: – Ракета пошла, а он даже не попытался уйти. Вёл его, как стоячего...

- Всё, дрон потух, - докладывает Мирон, подтверждая слова Кулькова.

- Кульков... - говорит тогда Саблин. – Благодарность.

Ну а что ещё говорить...

- Неплохо, Коля, - поддерживает его Денис.

- Мирон! – окликает радиста атаман.

- Здесь.

- Лодки-то где?

- Шесть тысяч семьсот, юго-восток.

- Идут? – это был всё ещё главный вопрос для Акима.

- Да не волнуйся, атаман, - успокаивает его Карасёв. –

Идут, идут...

Придут они, никуда не денутся. Не повернут обратно. Зря, что ли, они собирались, зря тащились в такую даль.

- Ну, дай-то Бог, - отвечает Саблин.

- Интересно, а лейтенанта они уже прошли?

Саблин думает, что нет... Но ничего не отвечает товарищу, говорит за него Кульков:

- Да уже прошли, наверное...

И тут Аким командует:

- Денис, Мирон, собирайтесь, отчаливайте потихоньку.

- Встать севернее, где стояли? – уточняет Калмыков.

- Да, спрячьтесь, - продолжает Саблин. – И притихните там, режим молчания до моей команды...

- Есть притихнуть, - за них обоих отвечает Мирон. – Только они наш импульс тоже засекут.

- Ничего, найдите, где спрятаться. И затаитесь там.

- Под деревьями станем, там пакля с них свисает до самой воды. Спрячемся под ней, – откликается Колмыков. –

Не найдут, пока в нас не ткнутся.

- Николай, ты давай в ДЗОТ, готовься, – скомандовал пра-

порщик.

- Есть.

Двигаясь к ДЗОТу, он спросил:

- Мирон, а что там, когда они будут?

- Через полчаса должны. А что? – откликается радист.

- Темнеть начнёт, - поясняет Кульков. – Я в темноте воевать не люблю.

- Никто не любит, - заверяет его Калмыков, усаживаясь на банку и запуская моторы.

- Денис, ты на самых-самых малых иди, - говорит ему Мирон. – Может, не заметят наш импульс. Может, тишком помаленьку протиснемся и уйдём за остров.

- Принято, - отвечает Калмыков, и лодка отваливает от мостков на самых малых оборотах.

Всё. Дрон сбит, пять лодок с бандосами идут сюда, теперь от него уже ничего не зависит. Теперь можно покурить ещё раз.

Он идёт к первому своему окопу, что выкопан под длинными и липкими от кислоты стволами бузины, и усаживается на край. Раскладывает оружие, кладёт подсумок с винтовочными патронами, патроны для дробовика у него в разгрузке. Гранаты... Две штуки выложил у бруствера. Саблин слышит мотор лодки, та тихо тарыхтит сейчас как раз напротив него.

Аким присаживается на дно окопчика и, открыв забрало, закуривает. Курит словно украдкой, быстро. И тут...

Прапорщик захлопнул забрало... Сначала привстал, а по-

том и вообще вылез на бруствер и повертел шлемом из стороны в сторону. Аким пытался внешними микрофонами поймать ускользающий звук. Нет... Нет, ему не показалось. Через сплошную массу растительности всё-таки пробивался едва различимый монотонный звук. А тут ещё и дверь ДЗО. Та раскрывается, и из-за неё появляется Кульков. Он видит Саблина.

- Аким, слышишь?

- Моторы?

- Угу, – и он продолжает: – Встречать их? На звук бить?

Или подпускать будем?

Аким думает пару секунд и потом говорит:

- Да не подойдут они близко с твоих углов, они этот ДЗОТ лучше нас знают, не сунутся под пулемёт; если хоть чуть покажутся в твоём секторе и ты видишь, что достаёшь, бей даже на звук, бей сразу.

- На всю ленту бью? – уточняет Кульков.

- Да, бей без приказа и не экономь, – распоряжается Саблин. – Может, лодчонку какую и заденешь, то уже неплохо будет. Как начнёшь, так сразу на рабочую частоту переходи и рассказывай, что там у тебя.

- Принято! – откликается Кульков.

4 Глава 4

Так и началось... Сначала звуки моторов стали отчётливыми. Потом Аким, всё ещё стоя на бруствере, стал угады-

вать направление, откуда доносится звук.

«Юго-восток».

Он понимал, что и Кульков, находясь у пулемёта, уже знает, откуда идут лодки. Оружие заряжено, уже взведено, прицельная камера пытается найти в стене растительности хоть что-то движущееся.

А звуки моторов стали настолько отчётливыми, что Саблин решил спуститься с бруствера в окоп. От греха подальше. А тут лодки разделились, одна, а может, даже две, – прапорщик из окопа никак не мог понять, – пройдя мимо южной оконечности острова, пошли на запад.

«Запад... Значит, через камыш и акацию пойдут. Ну ладно, - Аким повертел шлемом, чтобы лучше разобрать место источника звука, а ещё зачем-то похлопал по винтовке с облупленным цевьём, как будто успокаивал оружие. – Хорошо, что не все с юга пойдут. Так даже получше будет».

Он был уверен, что бандитов, которые высадутся на относительно свободной от растительности южной оконечности острова, бить будет сложнее, чем тех, которые сначала побарахтаются в камышах, а потом выберутся в труднопроходимую акацию. Он рассчитывал, что кое-кому из этих из воды выбраться уже не придётся. Главное – точно угадать, где они начнут. И поэтому он, забрав подсумок с патронами и оружие, вылез из окопчика и пошёл к зданиям... А моторы на западе не умолкали, лодки сейчас как раз подходили к нему всё ближе... Но слишком плотной была растительность на

этом берегу... Он никак не мог угадать расстояние до звука...

«Сто? Двести? Хрен его разберёшь!».

Прапорщик доходит до угла комендатуры, всё время вертя шлемом в попытках угадать, откуда до него доходит шум моторов. Он присаживается на одно колено на углу... Ждет...

«Будут подходить, не будут? Прыгнут в воду, нет?».

И тут понимает, что лодка – а это всего одна лодка – проходит как раз мимо него и идёт вдоль берега на север. Саблин щёлкает предохранителем, переводя оружие в боевое положение, и даже поднимает его... Но не стреляет... Далеко... Сплошная стена растительности... Звук рассеянный получается... Вероятность попадания минимальная... У него, конечно, полный подсумок снаряжённых магазинов, но по своей природе Аким жадноват на боеприпасы, приучен с самых первых призывов к экономии, он не может тратить патроны впустую. А то, что лодка уходит всё дальше на север, так это и хорошо, как раз под пулемёт Дениса идёт, и Мирон её отслеживает. Он ставит оружие на предохранитель, провожая микрофонами звук удаляющихся моторов.

«Плывите к Денису, плывите!».

И тут началось...

Бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам...

Хорошо слышимый звук – пулемёт Кулькова... И он, как и было приказано, патронов не жалеет...

Бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам... Бам-бам-бамм...

Саблин сразу заторопился, на ходу включая боевой канал.

- Николай, что у тебя?

- Кажись, плавают.

Значит, какая-то из лодок появилась в зоне поражения, просто так Кульков стрелять не стал бы, а его «кажись» – это так, чтобы зря суеты не наводить.

Бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам-бамм...

Аким спешит к своему окопу, до него метров двадцать уже, и...

Хлоп!

Бузина разлетается кусками в разные стороны, вперемешку с чёрным дымом. А ему в забрало и левую голень прилетают осколки... В забрало совсем мелкий пришёлся, щёлкнул только... А вот в голень он удар прочувствовал...

«Ну вот и началось... - Саблин прыгивает в окоп. Данных о повреждении приводов левого колена или ступни компьютер на экран не вывел. – И то хорошо!».

Весь бруствер завален липким крошевом из бузины.

А пулемёт из ДЗОТа всё молотит:

Бам-бам-бам-бам-бамм... Бам-бамм... Бам-бамм...

- Коля, ты хоть видишь кого?

- Да откуда... На звук бью...

«Пол-ленты уже размотал... На звук!».

Хлоп...

Над шлемом шуршат осколки... Вторая мина ударила...

Чуть за его окопом... И Аким выглядывает... Разрыв был в пятнадцати метрах... Вилка! Саблин не сомневается, что миномёт бьёт прицельно...

«У них ещё один дрон есть... - он задирает камеры к небу, вертит шлемом, но ничего не видит... И понимая, что третья мина залетит к нему в окоп, решает её не ждать... - Вот и накопал окопов».

Забирает оружие и патроны и спешит к барaku, где бандиты держали пленных.

- Николай!

- Приём! – откликается Кульков.

- Я отойду к барaku, они меня миномётом достают...

- Значит, дрон у них...

- Сто процентов... У тебя что?

- Ничего... Не лезут больше, но я моторы слышу.

Моторы слышал и Аким... Он как раз уже подходит к барaku, когда в крышу здания, в угол, прилетает ещё одна мина...

Пахх...

«Хороший у них, сволочь, миномётчик... С упреждением брал, только чуть лишку взял...».

Аким забирается в здание, дверь оставляет открытой. Находит угол, у которого присаживается; он видит дверь, и осколки мины, если ударит перед входом, его достать не должны.

Да-а, вот всё и пошло не так, как он планировал. Вот те-

перь-то они и будут высаживаться в камышах, кустах, да где угодно... И ему нужно будет выходить под миномёт, чтобы не дать противнику закрепиться на земле. Дрон, нужно его искать... А как его без Мирона найти?!

- Николай! – Саблин хочет знать, слышит ли его товарищ через две бетонные стены. Это важно.

- Приём! – откликается тот. Звук приличный.

- Проверка связи. Как слышишь?

- Нормально.

- Миномёт бил прицельно.

- Коптер? Ещё один?

- Скорее всего. Но я его не разглядел. Ракетница у тебя?

- При мне, ракета тоже. Выйти – попробовать поискать дрон? – спрашивает Кульков.

Саблин отвечает ему не сразу.

- Обожди пока.

Он подошёл к двери и прислушался... Лодка, прошедшая на север, туда, к Денису... Здесь, за бетоном, он почти не слышал её мотора, и поэтому не мог понять, где она. А ему очень нужно было знать... Но вся эта неопределённость сразу развеялась, когда на севере заработал ещё один пулемёт...

Бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам...

Кто стреляет? Он надеялся, что это Денис... Но тот молчал, а стрелок вообще патронов не жалел.

Бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам-бам...

Саблин через раскрытую дверь увидел, как одна за другой

пули в брызги разнесли несколько стеблей бузины, а ещё одна пуля ударила в стену того здания, где укрывался прапорщик... Стена – дрянь... Пуля пробивает её! Пыль, крошка бетона полетели по помещению. Аким сразу залёг. Не хватало ещё шальняк поймать, пусть даже деформированный и на излёте. А пулемёт продолжает бить...

Бам-бам-бам-бам-бам-бамм...

Он слышит ещё одно попадание в бетон.

«Неужели по мне?».

Да нет... Тут стрельба затихает. Денис и Мирон на связь не выходят.

Аким так и не может понять, кто это стрелял. Он привстаёт и продвигается к выходу... Аккуратно, не спеша. Не хочет особо высовываться, чтобы не попасть под миномёт. И тут снова стрельба, но на сей раз с другой стороны, откуда-то с юга... Не близко... Микрофоны едва разбирают звук.

Ба-ба-бам... Ба-ба-бам... Ба-ба-бам...

И тут же у него на мониторе вспыхивает индикатор кодированной линии. Это может быть только лейтенант.

- Приём! – сразу откликается Саблин.

Так и есть, на линии Фарафонов:

- Прапорщик, они разбегаются. Одну лодку мы притопили, там есть живые, никуда они не денутся, их потом выловим, две других лодки – уходят. Догоню кого смогу, ещё две лодки тут у тебя где-то, поищи их; в какой Глаз, я не знаю, всё, будь на связи...

- Принял... - Саблин был в недоумении.

«Две лодки у меня? - он выглядывает из здания. Где-то ревут моторы на полных оборотах, но уже не близко. – И где у меня тут две лодки?».

Он ещё несколько секунд думает и наконец запрашивает через боевой канал:

- Мирон?!

- Здесь! – почти сразу откликается радист. Боевой канал... Связь качественная, все звуки слышатся чётко.

- Чего молчите-то?

- Так сам сказал – без приказа не болтать.

- Что за пальба у вас была? Кто стрелял?

- Так мы. Одну лодку их с тридцати метров, в борт, в решето... Они в тину заехали... Хотели, видно, вылезти на берег, и как раз напротив нас. Ну, Денис и приложил их на поленты. Лодка вон... Только нос из тины торчит.

- А бандиты?

- Двое спрыгнуть успели... - следует пауза. – Один вроде в ряске копошится ещё...

И тут раздаётся другой голос, это Денис:

- Атаман, что с ним делать?

Лейтенант сказал, что возле острова ещё две лодки, одну расстреляли Мирон с Денисом. Нужно искать вторую... Бросать всё, прыгать в лодку и кидаться в погоню. Но бандитов можно и не догнать... Саблину в этой каше, на этом мелководье, не очень-то хотелось устраивать гонки. Лодка

чужая – не дай Бог распороть дно, моторы разбить... А тут это всё запросто... Деревья, целые поля тины, корни, и через всё это придётся гнать на больших оборотах... А ещё... бросить остров вместе с пленными... Нет, ему нужен тот бандит, что барахтается в воде. И тогда он говорит:

- Мирон, сколько лодок видишь?

- Четыре! – отвечает радист. – Все от нас бегут.

Четыре? Саблин думал, что должно быть пять. Вот и пойдут тут разберись... Даже непонятно, кто на какой. Нет, Аким предпочитал вариант верный.

- Казаки, язык нужен. Вылавливайте того, что ещё шевелится.

- Есть, - отвечает радист, и Саблин слышит, как невдалеке заработали моторы.

- Атаман, что-то тихо стало, всё, что ли? – это уже интересуется Кульков из своего ДЗОТа.

- Две лодки убегают, - отвечает Саблин снова, он всё ещё стоит в дверях и глядит по сторонам. – Лейтенант сказал, что догоняет их. У нас тут должна остаться одна лодка.

- А где? Мирон не видит?

- Не вижу, – отвечает радист. – Четыре мотора на юго-востоке, все удаляются. Больше ничего.

- Ночевать, видно, тут будем, - замечает Кульков.

Да, тени на улице длинные, солнце уже садится, вот теперь Аким выходит из здания.

- Уж лучше тут, чем в лодке, - говорит ему Мирон.

- Да я же разве спорю, - соглашается с ним Николай.

А Саблин всё ещё не поймёт: бой закончился, что ли? Вот так просто? Пятнадцать-двадцать минут, и всё? Он даже и выстрела, получается, не сделал. И прапорщик спрашивает:

- Денис, ну что там с пленным?

- Доехали – вот смотрю... - откликается Калмыков. – Сейчас вытянем, - и ещё через несколько секунд добавляет: – Аким, он еле тёплый. Руку ему оторвало...

- Если дышит хоть чуть – тащи сюда.

- Есть! – отвечает Денис. Саблин слышит, как они с Карасёвым переговариваются, затаскивая пленного в лодку. И потом она пошла вдоль островка к мостушкам.

Аким идёт к ним навстречу и замечает, как открывается дверь здания комендатуры и из него выглядывает Полина; она машет ему рукой:

- Господин офицер, вы всё?

- Что всё? – не понимает её Аким.

Голос у него не очень-то ласковый, но это не смущает женщину:

- Вы постреляли уже? Можно выходить?

- Нет пока! – говорит Саблин. – Сидите там, – и чуть погодя добавляет. – Сидите, пока мины не снимем.

5 Глава 5

Раненый, кажется, и вправду умирал...

- Переделанный, что ли? – не понимал Кульков, когда уви-

дал его кожу.

- Бракованный, - вспомнил Саблин, как их тут называют.

Денис снимал с пленного броню. Броню старинную, у пластунов такой ни в одном полку уже не осталось. Кожа у раненого и вправду была коричневой, лицо без губ и почти без носа, он едва дышал. Когда Калмыков его ворочал, чтобы освободить от доспеха, голова и ноги колыхались, двигались, как у мёртвого... только что убитого... Лишь редкие, похожие на спазмы вздохи да шевеление зрачков под веками говорили, что бандит ещё не умер. Одна из пулемётных пуль срезала ему кисть, а ещё одна разбила старенькую кирасу. Та пошла снизу доверху длинной трещиной и пропустила пулю. Денис кирасу не стал снимать, бросил... Он поглядел на Акима:

- Отходит, кажись... Ну, что будем делать?

Можно было, конечно, вколоть ему дорогущие препараты, да смысла не было. Для таких тяжёлых ранений нужна была медицинская капсула, которая могла бы поддержать жизнь в теле, пока жив мозг. Но её у казаков не было.

- Может, стимулятор ему... чтобы очнулся, - предлагает Калмыков.

- Ты это, Денис... - говорит ему тут Кульков. - Ты, если что, ты меня лучше не лечи.

- Чего? - не понимает Калмыков.

- Да ничего... Просто не лечи, и всё, - настаивает Кульков.

Умиравший лежит на хлипком пластиковом столе, стол

под ним прогнулся, кривой теперь, по нему на пол стекает кровь. Но её совсем немного. Обрубок руки Денис ему стянул резинкой, но кровь вытекает из-под разбитой кирасы.

А Аким, ещё относительно недавно перечитывавший Полевой устав первой медицинской помощи, который каждый командир взвода должен знать, как и многое другое, поясняет Денису:

- Нельзя применять стимуляторы при обширных открытых ранах, так ты последнюю кровь из раненого выгонишь... Нужно сначала раны замазать биогелем. Хотя бы...

- А! – произносит Калмыков с уважением.

- Узнал только? – едко интересуется Кульков. – А сколько у тебя призывов-то, Денис?

Но Калмыков ему не отвечает, а спрашивает у Акима:

- Атаман, ну а что делать-то?

- Да ничего не делать, капсулы у нас всё равно нет... У него вся грудь смята, всё одно помрёт через час... Как он вообще ещё дышит, непонятно. Главное – чем? - не понимает Саблин, и потом приказывает Кулькову: – Сходи-ка, Николай, за Полиной, может, она знает его? Может, что расскажет.

Кульков привёл Полину, и Саблин говорит ей:

- Ты вот этого знаешь? – он указал на умирающего.

- Да откуда? – отвечает женщина, едва взглянув на пленного. – Не могу же я всех бракованных на болоте знать.

- Ну, мало ли... - говорит ей Аким. – Может, видела его

с Глазом.

- Ой, с Глазом... - она машет рукой, - я и Глаза этого в жизни не видала ни разу. Меня же другие ловили... Другие сюда везли... А то, что у них Глаз начальник, так я только у охранников узнала, тех, что вы убили; там Валёк один раз Иванову говорил. дескать, если они хоть кого потеряют, из нас, из товарных, Глаз им бошки поснимает.

- Ладно, иди, - отпускает её прапорщик. – Только не ходите по острову, мы ещё мины не сняли.

А Полина, ещё раз заглянув в коричневое лицо умирающего, покачала головой:

- Нет, не знаю такого, - и добавила после: – Да и все они, бракованные, на одно лицо. Разве их различишь?

- А много вот этих, бракованных, среди бандитов? – интересуется у неё Калмыков.

- Ой, да половина, - уверенно заявляет женщина. – Все неприкаянные в банды идут. И бракованные, и люди. Ну а куда им деваться? А бракованные... Тут, на болотах, им податься больше некуда, люди их к себе не примут, боятся их, - она крестится, - прости, Господи, а кто не заботится с таким жить? Да и в города на север разве таких пустят?

- Ладно. иди, покорми своих, – отпускает её Саблин.

Сам же с Кульковым, пока не наступила ночь, пошёл снимать мины.

Когда уже совсем стемнело, на связь вышел лейтенант, го-

ворил он на кодированной волне:

- Прапорщик! Не стреляйте – мы идём.

- Ждём.

Ночь была лунной. Воздух наполнился тучами мелких насекомых. Тучами без всяких преувеличений. Среди мошки летали гады и покрупнее. Они, кажется, мошку жрали. И уже пугали казаков, садясь им прямо на камеры шлемов, здоровенные хищные стрекозы с когтистыми лапами и чёрными, мокрыми от яда или ещё от чего-то жвалами. Аким хорошо разглядел такую, когда она уселась ему на камеру сзади.

- Какой заразы тут только нет! – бурчал Кульков, стряхивая со шлема большое насекомое с когтистыми лапами. – Интересно, они людей жрут?

- Да ничего она тебе не сделает, - говорил ему Саблин. Они вытащили фугас из воды, уложили его на мостки, и теперь Аким снимал с него взрыватель. – Мошка тебя тут быстрее заест.

- Это да, - соглашался с ним Кульков. – Мошка тут знатная.

- Пострашнее нашей будет, – замечал Мирон.

Он сидел в их лодке у электронного оборудования. И был вынужден накрыться брезентом, чтобы насекомые не облепляли рацию и РЭБ-станцию. А тем только дай возможность. От оборудования шло тепло, да и разных огоньков куча, что, видимо, привлекало целые тучи мошки, которые накрывали всё вокруг радиста живым ковром.

- Камень близко, - пояснял Николай. – А чем ближе к Камню, тем всякой дряни всё больше.

И вскоре послышались моторы, а потом в ночи среди зарослей стали мелькать белые вспышки носовых прожекторов.

Лодки с армейцами подошли, и Саблин с казаками видели, что народа в них явно прибавилось, прапорщик, стоя на мостушке, глядел, как они швартуются.

- Пленных набрали, - заметил Мирон, выглядывая из-под брезента.

- Как есть, – согласился Кульков.

Моторы смолкли, солдаты стали выбираться на мостки и на берег.

- Ну, что вам сказать, прапорщик, - Фарафонов вылез на мостушку и теперь потягивался, по голосу можно было понять, что он доволен.

- Ну уж скажите что-нибудь, – говорит ему Аким.

- Во-первых... - лейтенант вертит шлемом, у него явно затекла шея. - Можно нас поздравить с маленькой победой. А во-вторых... как говорится, у меня для вас две новости.

- Что за новости?

- Хорошая и плохая.

- Что за хорошая? – сразу спрашивает Саблин.

- Хорошая в том, что банды Чиёншоха по кличке «Глаз» больше не существует, – отвечает ему Фарафонов, кажется, с нескрываемым удовольствием, и тут же продолжает: – Слу-

шайте, прапорщик, а здесь еда нормальная есть? Бараки с уплотнителями? Тут броню снять можно?

- И еда хорошая есть, и броню снять можно, и даже помыться... У них тут очищенной воды навалом, - но Акиму очень хочется знать: - А в чём же плохая новость?

- Пойдёмте, покажете, где душ, - говорит ему лейтенант и берёт Саблина под локоть.

- Там чесоточные мылись, - предупреждает его прапорщик, но ведёт его к зданию комендатуры. - А ещё там заражённый грибок.

Но это всё не пугает Фарафонова.

- Ничего, как-нибудь... - и он говорит дальше: - Плохая новость в том, что самого Глаза мы не нашли.

- Не нашли? Ушёл, значит? - вот уже Саблину и повод расстроиться. На банду у него заказа не было. Ему был нужен именно Чиёншох.

- Думаю, что не ушёл, - продолжает лейтенант. - Лодку, в которой он был, мы достали... Отличная лодка, моторы - звери, чудом не ушла... Он от нас по руслу шёл, просто улетал... Думал, вот-вот, и оператор её в РЭБ-станции уже видеть не будет, а тут ночь ещё... Я уже подумал, что убегут... Но пара-тройка пуль лодочку всё-таки догнала, начала она воду набирать, и через полчаса, как уже стемнело, мы её стали нагонять... А потом догнали и один мотор ей попросту выбили... уже в темноте... И всё... Стали нагонять - они стали отстреливаться... Фонарь нам разбили, дыр наделали

в корпусе, но пулемётчик у меня знатный... Он всех, кто в лодке, перебил, один раненый остался, я его поспрашивал.

- И что он сказал? Глаз-то где? – больше Саблина ничего и не интересовало. Они как раз зашли в помещение. Тут Фарафонов сразу открыл забрало и откинул шлем за спину. Он поглядел на освобождённых людей, что были в большой комнате, те робко здоровались с ним, и лейтенант отвечал:

- Здравствуйте, товарищи. Вижу, казаки вас освободили, накормили...

- Ой, спасибо им, - за всех отвечает Полина.

А лейтенант и добавляет:

- Я уже вызвал сюда медицинский катер из Светлого, думаю, завтра во второй половине дня он будет тут.

- Храни вас Бог, господин офицер, - снова за всех отвечает женщина. А лейтенант говорит Акиму:

- Ну, показывайте, где тут вода...

Саблин и Фарафонов идут в душ, и Аким помогает Фарафонову снять кирасу... А тот продолжает рассказ:

- Этот раненый успел сказать, что из лодки Глаза, сказал, что самого атамана зацепило. Куда-то в бок. Но он был жив. И когда мы стали их нагонять, Глаз приказал открыть по нам огонь, а сам нырнул за борт.

- Нырнул? В броне? – уточнил Аким.

- Да, в броне... Но она у него пробита... Так что... - Фарафонов «кольчугу» снимать не стал, а начал открывать воду, пробуя её рукой и замечая: – Не масляная совсем.

- Вода хорошая, - соглашается Саблин мимоходом. – Так вы не видели Глаза?

- Да какой там... - отвечает лейтенант. - Говорю же, уже стемнело... Вы же сами понимаете, прапорщик, что такое бой на болоте ночью. Всё серое, лучи прожекторов белые, он свалился в воду, а мы пролетели мимо... На то Глаз и рассчитывал. Знал, что лодку мы догоним. Броня у него пробита, так что в воде он долго не протянет.

- Я пару раз попадал в воду. Без брони... - вспоминает Саблин невесело. – И ничего... Жив. И этот тоже выжить может.

- Он ранен, - напоминает ему Фарафонов. А сам встаёт под душ.

- Я один из тех двух раз тоже был ранен, – Аким не то чтобы упрекает Фарафонову... Нет, он не хочет обижать этого толкового офицера... Просто Саблин расстроен. - Вы его не искали?

- Думали; да как его искать в темноте? – отвечает ему Фарафонов. – Он будет сидеть под деревом или вообще в воде. А тот, что жив, – он показать, где Глаз в воду нырнул, тоже не мог, говорит, что и не видел, как тот прыгал с лодки. Куда уж там место запомнить, – Саблину тут и сказать больше нечего. И лейтенант продолжает: - Завтра сюда трофейщики придут... будем лодки поднимать, моторы, броню с мёртвых, оружие собирать... Ещё раз те места осмотрим. Поищем его...

- Мы с вами пойдём, - настаивает Аким.

- Принято, - соглашается лейтенант. Он некоторое время просто наслаждается водой, а потом говорит дальше: – Из пяти лодок мы потопили три... Одну притопили сразу, пленные, кстати, из неё, одна к вам сюда пошла...

- Мы её утопили, никого взять живьём не смогли... - сообщает ему Саблин.

- Вот, - рассуждает Фарафонов. – Значит, осталась одна... Это та, что убегала с Глазом, но лодку с Глазом мы догнали, а первую мой оператор потерял... Она ушла на восток. В ней был его ближайший помощник Савельев. Его попросту Савелием кличут.

- Вот он за ним и вернулся, - предположил прапорщик.

- А как он его найдёт? У Глаза мощности в рации не хватает, чтобы на десять километров болота до зама своего докричаться, – разумно предполагал Фарафонов. – Да и думается мне, что он до сих пор гонит лодку от нас подальше.

Аким, в общем-то, думал так же. Но это в том случае, если это не старые боевые товарищи, у которых есть свои, только им известные уловки, свои оговорённые или потаённые места. К примеру, есть тут ещё, кроме этого островка, какой-нибудь камень, до которого Глаз смог добраться и на котором, к примеру, есть аптечка, вода, еда, рация с хорошей мощностью. И об этих своих догадках он Фарафонову и рассказал.

- А вы хитрый человек, прапорщик, - замечает на то лей-

тенант.

- Приходится, – отвечает Саблин и включает рацию. – Мирон!

- Есть. Приём.

- Там в эфире есть кто живой?

- Тишина вокруг, атаман. Как лейтенант пришёл, так в эфире никого, – откликается радист. – Ни одной рации.

- А моторы?

- Ни одного импульса.

- Ты последи пока, я потом к тебе Кулькова пришлю, чтобы всю ночь следил, расскажешь ему, что да как, – распоряжается Саблин.

А Фарафонов, уже выйдя из-под воды, лишь качает головой от такой настойчивости казака:

- Видно, прапорщик, этот Глаз вам очень нужен.

- Очень, - соглашается Аким.

- Угу, - понимает лейтенант. – Живым или мёртвым.

- Так точно.

- Ладно, сейчас поедим, а потом примемся за допрос пленных, может, что нам расскажут, – предлагает Фарафонов. – Но сначала ужин, а то мы с моими людьми с утра ничего не ели.

Это был хороший план, Аким тоже уже проголодался.

6 Глава 6

Пленные ничего им про сбежавшего Чиёншоха рассказать

не могли, но все как один соглашались с тем, что атаман их был человеком запредельно хитрым и необыкновенно удачливым. И что от него всякого можно было ждать. От их рассказов Саблин только больше хмурился: неужели всё зря? А ещё в результате допроса выяснилось, что атаман болотных бандитов очень ценит свою шкуру. И запросто бросил свою ватагу, едва поняв, что угодил в засаду. А бой развивался так: как выяснилось, не зря Кульков расходовал драгоценные пулемётные патроны, отправляя пули на звук куда-то в болото. Бандиты оказались не такими уж искушёнными бойцами, как предполагал прапорщик. Одна из лодок с опытными бандитами оторвалась от группы по приказу Глаза и пошла вдоль западного берега острова, чтобы высадить бойцов на северном берегу... А уже вскоре первая лодка в строю всё-таки заплыла в зону поражения дзота. Заплыла совсем чуть-чуть. И получила два попадания, в борт и в один из моторов. В борт попадание было бы пустяком, пуля прошла оба борта навывлет, ничего и никого больше не зацепив, но вот в моторе пуля разнесла бак, и раскалённый от долгой работы мотор, естественно, вспыхнул... Пришлось свернуть в сторону, в тину, остановиться и тушить двигатель, и это была бы не беда, так как на одной из лодок был мотор запасной, да и на одном моторе можно плавать, если сильно не залезать в кашу из ряски. Глаз, чтобы не терять времени даром, приказал миномёту открыть огонь, а так как коптер уже висел над островом, миномёт начал стрелять почти сразу... И вот тут они

вдруг узнали, что по их следу от русла к ним идут ещё лодки. Бандиты заволновались, так как атаман не знал, что это за лодки. Кто? Откуда взялись? Люди стали понимать, что это засада... А тут ещё с той лодки, что ушла огибать остров, раздались крики, что они попали в беду, что их расстреливают. И тогда славный атаман Чиёншох по кличке Глаз, никому ничего не сказав, развернул свою лодку и погнал её на юг. Все, кто могли, тоже бросились наутёк. Тут, надо признаться, мощные моторы бандитов и знание местных вод помогли им... Из трёх лодок тогда, в сумерках, лейтенанту удалось перехватить две. Но что было дальше, взятые в плен бандиты не знали... Это знал Фарафонов и его люди. Уже в темноте сам Глаз на одной лодке и его первый помощник Савелий на второй уходили от острова. И вот лодку Глаза пулемёт Фарафопова и достал, на максимальной дистанции поражения. В общем, каким-то чудом. Да только Акиму этого чуда было маловато. Ему нужен был Глаз.

Кое-как разместились, легли спать, но по рыбацкой привычке Аким встал рано, в два часа утра. Сам встал и людей своих поднял – завтракать. Баки заливать. После, когда всё уже было готово, он разбудил Фарафопова, сунул ему планшет:

- Покажете, где Глаз выпрыгнул из лодки?

- Послушайте, Саблин, не могу понять, почему вы ещё прапорщик? – после многочасового бодрствования лейтенант не очень-то рад, что его разбудили. Он берёт у Акима

планшет. А тот ему и говорит нехотя:

- Не знаю, не заслужил, значит, большого чина.

- Странно это, - продолжает Фарафонов, он жмурится, чтобы глаза после темноты привыкли к светлому экрану планшета. – С такой настырностью и требовательностью вы уже давно должны быть сотником, - наконец он находит район, где происходил бой, тычет в экран пальцем: - Где-то тут лодка, там мелко, вы её найдёте, увидите, а вот тут, по идее, он где-то спрыгнул. Вот тут вот... В общем, ищите. Но имейте в виду, карта у вас старая... Тут всё давно переменялось.

- Принято, - Саблин теперь сам рассматривает указанный район и запоминает. – Это уже русло...

- Да, один из рукавов русла, - поясняет лейтенант, - они на большое русло не хотели выходить, там открытые пространства встречаются, как раз для пулемёта, а Глаз, видно, эти места хорошо знал, гнал по рукавам...

- Понял, спасибо, – Аким не отрывается от карты.

- Вы сейчас уходите?

- Так точно, – Саблин наконец выключает планшет и прячет его.

- Ладно, - Фарафонов вздыхает. Видно, что он думает встать и теперь собирается с силами. – Через час-полтора выйду за вами. Связь – канал тот же.

- Принято.

Под утро всякой нечисти в воздухе явно прибавилось. Ка-

кие-то длинные жуки, величиной больше, чем стрекозы, то и дело падали на носовой прожектор лодки, каждый раз восхищая казаков своими размерами.

- Ну ты видел, нет? – удивлялся Кульков, сидевший на носу за пулемётом. Ему было видно гадов лучше всех

- Чего там? – интересовался Калмыков с кормы.

- С ладонь, зараза, вот такая, только что шмякнулась о фонарь. Жуть, что за звери тут у них.

- Да, у нас такого нет, – отвечал ему Карасёв. – Это всё из-за деревьев.

- Да нет... - не соглашался с ним Николай. – Это всё из-за Камня, тут же пришлых куча, говорят, через каждые десять километров база или лаборатория, шебуршат, что-то делают, вот и гадов этих изобретают.

- Коль, а на кой им оно? Таких-то чертей изобретать? – интересуется Калмыков.

- Да разве ж я знаю, - отвечал Кульков. – Ну... если так подумать... может, чтобы люди тут, на болотах, вообще жить не могли.

- А-а... - понимает Денис.

А Аким эти разговоры слушает, но не встревает, хотя у него есть на этот счёт своё мнение. Он всё ещё не может оторваться от планшета, изучает район, где может сейчас находиться Глаз, а как наконец отрывается, чистит защитную сетку на дыхательных фильтрах шлема от слоя мошки и спрашивает:

- Мирон, есть кто рядом?

- Пустыня, атаман, - отвечает тот. – Генератор на острове работает – и всё, – и, предвкушая следующий вопрос прапорщика, добавляет. - В эфире тоже тишина.

«Ладно, пойдём дальше, поглядим, что найдём».

Через час дошли до нужного места, начало светать. Мошка стала прятаться. Тут он уже как следует разглядел блестящее сегментированное тело летающих всю ночь тараканов. Противный гад напоследок шлёпнулся ему в рукав пыльника. Аким стряхивает его за борт и, заглянув в планшет, говорит:

- Денис, бери сейчас на восток.

Но рулевой напоминает ему:

- Аким, большая протока вроде дальше должна быть.

- Должна, но нам в рукав... Лейтенант Глаза где-то в рукаве настиг.

Солнце. Свет. Деревьев становится меньше, а вот глубины вокруг всё больше. Появляется течение, а с ним и привычный казакам рогоз по краям проток. Они движутся не спеша, и едва становится светло, как понимают, что идут в правильном направлении...

- Гильза! – замечает Кульков. Он по-прежнему сидит на носу за пулемётом и поэтому всё видит первым. – С правого борта будет.

Так и есть, среди ряски из воды торчит не утонувшая пулемётная гильза.

- Ага, - говорит Денис, вертя шлемом по сторонам. – Вот тут армейцы им как следует накладывали.

С этим трудно не согласиться, рогоз вокруг порезан пулями, обрубки свежие, ещё не запеклись на солнце.

- Опять гильза! – через некоторое время снова говорит Николай.

Полчаса казаки шли по рукаву, оглядывая всё вокруг. Патронов армейцы точно не сэкономили. Рогоз вдоль протоки порезан изрядно. Видно, как шли, так огня не прекращали, поэтому и накрыли в конце концов лодку Чиёншоха. И уже вскоре Кульков замечает:

- Атаман, кажись, лодка впереди.

Саблин встаёт, перешагнув через банку, влезает на нос и выкручивает зум камер: так и есть. По правую сторону протоки, у рогоза, из воды торчит нос большой лодки и пулемёт. Почти весь остальной корпус притоплен.

Подошли к лодке... Нос весь в пробоинах, тут же из воды, недалеко от лодки, почти в рогозе, торчало и «плечо». Убитый бандит. Подойдя ближе, казаки рассмотрели плечевой привод вполне современного бронекостюма.

- А неплохая у них броня, - замечает Кульков.

- У вас получше будет, - отвечает ему радист.

- Ну ты сравнил... Мы Второй полк, у нас всё самое последнее, а они бандиты.

- Это лодка Глаза, тут у него его приближённые, у них всё лучшее, - говорит им Саблин, а тем временем они уже вплот-

ную подходят к притопленному судну. А в нём ещё один убитый.

- И лодка хорошая, - произносит Мирон, разглядывая всё вокруг. – Как положено, с кубриком; не хуже твоей, Аким, будет.

- Это не моя лодка, - отвечает ему Саблин, сам он встаёт и заглядывает в судно бандитов, ищет ещё убитых, но больше трупов тут нет:

- Трое их в лодке было, что ли? Этих два, ещё Глаз из неё выпрыгнул. Неужели они на такой лодке втроем шли?

- Это вряд ли, корыто вон какое, немалое, - не соглашается с ним Кульков. – Пулемётчик, рулевой, радист, командир... Уже четверо. Где-то должен четвёртый быть.

- Да разве тут угадаешь? – размышляет Калмыков. Он даже привстаёт с банки, оглядывается. - Он вот, может, в метре от нас лежит под водой, как его увидеть? Вода-то чёрная...

- Четвёртый в плен сдался, - говорит, оторвавшись от своих мыслей, Саблин. Но по большому счёту товарищи правы. Попробуй ещё найди кого в болоте. Даже если он мёртвый, даже если не прячется. Труп действительно может лежать тут рядом, и его никак не обнаружить. Саблин понимает всю сложность задачи. Но он хочет хоть немного уверенности, что Чиёншох не выбрался из этой протоки живым. Иначе весь их рейд, все их усилия – пустое дело.

- Денис, разворачивайся... Пройдёмся ещё раз, – говорит прапорщик наконец.

- А лейтенант не сказал, где Глаз в воду сиганул? – уточняет Кульков.

- Лейтенант и не знал о том, это пленный ему потом рассказал, – объясняет Саблин. – Если бы знал, он на уходящую лодку плюнул бы да стал Глаза вылавливать, Глаз ценнее лодки.

В общем, развернулись и пошли обратно на малых оборотах.

- Николай, по правому борту смотри.

- Есть, - отзывается Кульков.

Сам прапорщик садится ближе к борту левому.

- Значит, Глаз почуял, что настигают, и в воду кинулся...

- вслух рассуждает Кульков, разглядывая воду и корневища рогоза. – Бросил товарищей, дескать, вы уж сами как-нибудь, а я сам.

- Да, может, и не сам... - не соглашается с ним Денис. – Может, пулей его из лодки вышибло. Тем более, что атаман говорил, что он уже и до того был поранен.

- А сильно? – не унимается Николай.

«Эх, знать бы!».

Ему никто не отвечает, так как Мирон сообщает:

- Аким, два мотора к нам навстречу.

- От острова?

- Так точно.

- Лейтенант. Обещал с нами поискать Глаза по болоту.

Так и произошло, вскоре Фарафонов вышел на связь и со-

общи́л, что идёт. Это, конечно, чуть воодушевило Саблина. Вдруг армейцы что вспомнят. Но пока армейские лодки направлялись к ним, он продрался через заросли кувшинок и рогоз из протоки на большое русло, прошёлся вдоль него... и... ничего не нашёл. Первозданное болото. Дикий край, где нет и намёка на существование людей.

Когда подошёл Фарафонов на двух лодках, они ещё раз все вместе вернулись к убитым бандитам и их разбитому судёнышку, ещё раз прошли по протоке, но и это ничего не дало. Никаких признаков людей вообще. И тогда лодки собрались в одном месте.

Лейтенант перебрался к казакам и по СПВ рассказал всем собравшимся:

- Я на рассвете ещё раз пленного из этой лодки допросил, он всё рассказал, как и в первый раз. Они уходили, один мотор уже не работал, Глаз и ещё один человек были уже ранены, лодка набирала воду. До этого они ответный огонь из личного оружия не вели, чтобы в темноте себя лишний раз не обозначать. А тут дистанция уже метров двести была. И тогда Глаз приказал всем открыть огонь по нам, сам достал винтовку и стал стрелять, а когда пленный менял магазин, он увидел, что атамана уже в лодке нет. Где он прыгнул в воду, пленный сказать не может. Мог бы рулевой сказать, он лицом по движению лодки сидел, но ему в шлем пуля попала... И сразу наповал.

В общем, приход армейцев ему ничего не дал, а время по-

тихонечку шло к полудню, люди его проголодались.

- Ну, прапорщик, что думаете делать?

А что он в этой ситуации мог думать? Аким вдруг зачем-то спросил у лейтенанта:

- На той лодке пулемёт хороший, новый, снимать будете?

- Я трофейщиков сюда вызвал, они всё снимут. Всё согласно актам и журналу боевых действий, - Аким неспроста начал этот разговор, и теперь понял, что пулемёта он трофейного не получит. А офицер продолжал: - И лодки поднимут – заварят дыры, моторы соберут, оружие и броню... Всё соберут, – разъяснил ему Фарафонов. – А тот, что я вам выдал, себе оставьте. Спишу, скажу, что в бою разбились.

- Ну, тогда... – Саблин доволен. Получить пулемёт, пусть даже и не новый, – это совсем не плохо. «Утёс -120», и ничего, что старинный, пусть, зато железяка надёжная. А электронику на нём всегда можно поменять. И он протягивает руку офицеру. - Спасибо вам, товарищ лейтенант.

- Вы, что, уходите уже? – удивляется Фарафонов.

- Пойду. Сколько мне тут ещё мотаться по болоту? Всё равно этого Глаза не сыскать уже, наверное. У меня же часть новая, формируется только, я отпрашивался почти со скандалом. Так что... пойду помаленьку.

- Ну, прощайте, прапорщик Саблин. Там старшина мой вас знает, примет как родных, ночуйте у меня в Светлом, – говорит Фарафонов и вспоминает, открывает свой планшет: – Кстати. Я о вас в рапорте напишу. Вы как-никак содейство-

вали, принимали участие в разгроме крупной банды. Давайте имена ваших казачков.

- Это дело, - соглашается Аким. И перечисляет своих товарищей и номера частей, в которых они служат.

Так и распрощались казаки с армейцами и пошли на восток.

- Домой, что ли? – кажется, Калмыков рад.

- Да, - коротко отвечает прапорщик.

- Эх! – расстраивается Кульков. И Аким думает, что он расстраивается, потому что они не выполнили задания. Но тут Карасёв спрашивает у него:

- Николай, а чего ты?

- Знал бы, что на остров не вернёмся, компота взял бы бандитского, вишнёвого.

- Понравился? – смеётся радист.

- Очень, - подтверждает Кульков. – Там его в кладовке целые штабеля.

- Я взял одну упаковочку, - продолжает посмеиваться Карасёв. – Под брезентом вон, у рундука.

- Взял?! Молодец! – радуется Николай.

А вот Саблин от этого почему-то злится на Кулькова, говорит Калмыкову:

- Денис, я в кубрик, поем, покурю и тебя подменю.

- Принято, – откликается Калмыков.

- Мирон, пошли со мной, отдохнёшь, - предлагает атаман радисту. И потом вспоминает: – Николай, а ты про кубрик

ПОМНИ.

- Есть про кубрик помнить! – отзывается Кульков невесело.

- А что ему про кубрик надо помнить? – сразу заинтересовался Калмыков.

Но Саблин на этот счёт распространяться не желает и лишь произносит холодно:

- Он знает.

Они пообедали, и прапорщик пошёл на руль, а Денис завалялся в кубрик есть и спать. А тут два мотора им навстречу. Но казаки не очень волновались на этот счёт. Моторы были медленные, шли по руслу на них. То оказались те самые трофейщики. Широкие посудины со стрелами и тельферами для подъёма лодки из воды.

- Да, трофеев будет у них навалом, – замечал Кульков, помахивая рукой в ответ на приветствия трофейщиков. – Лейтенант, может, даже повышение получит.

«Может, и получит».

7 Глава 7

Саблин был не против того. Фарафонов оказался офицером дельным. Помог ему, что уж там говорить, помог даже больше, чем Аким надеялся, а то, что Глаза прапорщик так и не добыл, так это случай. А на войне, как известно, от случайностей никто не застрахован. А ещё через пару часов они встретили медицинский катер и лодку с охраной. В общем,

всё шло по плану лейтенанта.

Попадались им ещё рыбацьи лодки, но до Светлого они добрались без происшествий. Пришли туда в ночь, старшина сказал, что лейтенант об их приходе предупредил. Пока помылись, пока поужинали, а скоро уже и вставать. Аким хотел попасть в Белоярский ещё до ночи. А для того нужно было пересечь Обь и пройти немалое расстояние. У Саблина сил было предостаточно, но товарищи его были не так бодры. Но ничего, Аким полагал, что если пойдут побыстрее, то уже через четыре дня будут дома. Уже стали усаживаться в лодку, а тут и старшина появился.

- Казаки, а пулемёт-то... он вроде как наш.

И сказано это было с таким подтекстом, как будто Саблин и его товарищи хотели по темноте, до зари, втихаря смыться и чужой пулемёт увезти.

- Нам его ваш лейтенант отдал, – отвечает Саблин.

- Да как он его мог вам отдать, если он у меня в боевом расписании числится? – не верит старшина.

- Ну ты, брат армеец, даёшь! – восклицает тогда Кульков с восхищением. – Вы там трофеями четыре лодки с моторами и пулемётами получите, целый склад провизии и боеприпасов. Две баржи за этим отправили, а нам пулемёт древний зажимаете.

- Ты, казак, успокойся... - продолжает тогда старшина. – Я ничего про склады и лодки не знаю, а вот пулемёт этот у меня в боевом расписании записан. Проверка из округа при-

дёт, я что буду делать, им про лодки с моторами, про склады рассказывать?

Конечно, он был прав, но и пулемёт Саблин снимать с лодки не хотел... Во-первых, в этих местах, как он уже понял, лучше быть с пулемётом, чем без... А во-вторых, хороший пулемёт – это немалая ценность. В общем, отдавать прапорщик его не собирался. И тогда говорит старшине:

- Раз лейтенант вас предупредил о нашем приходе, значит, связь у вас с ним есть. Свяжитесь, спросите у него. Он должен подтвердить мои слова.

Старшина, кажется, сомневался, сказал, что связь плохая, но обещал попытаться. Пытался он долго, и только через два часа пришёл на пирс солдат и сказал, что лейтенант дал добро и старшина желает казакам удачи.

Уходили казаки из Светлого, когда солнце уже встало, время было потеряно, и Аким решил нагонять. Сам сел на руль, но лучше бы сидел за картой: места эти он знал плохо, проток и русел нужных не находил. А посему заходила лодка то на мелководе в тину, что вечно собиралась между деревьям, то в огромные моря кувшинки, и до Перегребного казаки добрались уже за полдень. Добрались и вздохнули...

Обь!

Тут уже за руль взялся Денис.

- Аким, по воде пойдём? Или напрямки...

- По воде, по воде... - говорит Саблин. Таиться им нужды не было, чего по болоту тащиться?

Ну, Денис и погнал, выжимая из моторов обороты. По течению по большой воде лодка просто летела.

«Хорошие моторы... Лишь бы не налететь на что-нибудь!».

Четырёх часов не прошло, когда они проскочили Полноват.

- Будем заходить? – только и спросил у атамана рулевой.

- Масла до Белоярского хватит? – уточняет Саблин.

- С запасом, – откликается Денис.

Аким понимал, что товарищи хотят вылезти из воды на берег, размяться, поесть по-человечески, но он торопился домой.

- Тогда идём дальше. Хочу в Белоярский попасть до темноты.

- Принято! – откликается Денис и уже через десять минут уводит судёнышко с большой воды на восток, в Великое болото.

Но до темноты в Белоярский им попасть не удалось, пришли туда уже в десятом часу и, швартуясь к платному пирсу, так как на армейский их не пустили, решили ужинать в ближайшем заведении. Сухпай и солдатская еда казакам уже осточертели. Чтобы не бросать лодку, ходили ужинать по двое, а потом, оставив дежурным Карасёва, пошли спать в общежитие. Самый недорогой ночлег в этом богатом городе.

- Аким, а завтра опять до зари снимемся? – устало спрашивал Денис, забираясь на верхнюю полку кровати-трёх-

спалки.

- Нет, - отвечал ему Саблин, - спи спокойно, мне утром ещё к майору-разведчику заскочить нужно.

- Ну, к майору ты раньше семи часов не попадёшь, - благобно рассуждал Калмыков, собираясь как следует выспаться.

- Это да, так что спи, - отвечал Аким.

Но к замначальника разведотдела Девятнадцатого военного округа майору Иванову он не смог попасть ни в семь, ни в девять часов. В расположение части его пустили, но в приёмной дежурный сначала просил его подождать, пока майор явится на своё рабочее место, а к девяти часам сообщил, что майора сегодня вообще не будет, но... С товарищем майором связались и о визите Саблина ему доложили, тогда Иванов просил прапорщика из Второго пластунского полка по возможности дожждаться его, обещал завтра быть с утра на месте. Аким тогда сказал дежурному, что дожждаться завтрашнего дня вряд ли сможет, сказал, что очень торопится в часть.

А вот его товарищи, когда узнали, что майор просил их атамана задержаться на один день, были рады. И не скрывали того.

- Ты, Аким... - говорил ему Карасёв, - молодой ещё, двухильный... Тебе хоть неделя в болоте, хоть две... Всё тебе нипочём... А мне так уже тяжело... Да и Денис говорит, что иной раз клюёт носом, а ему на руле разве ж это можно?

В общем, притомились мы.

Прапорщик с удивлением смотрит на своего рулевого: это правда, что ли?

Тот пожимает плечами: ну, бывает.

- А что же ты мне про то не говорил? – спрашивает у него Саблин. – Я бы подменил, чтобы ты поспал, если нужно.

- Ну а что говорить-то? Надо ехать – значит надо, – отвечает ему Калмыков. И Аким понимает, что не говорит ему Денис... стесняется как будто своей усталости.

- И ты, что ли, притомился? – интересуется прапорщик, глядя на Кулькова. Николай человек высокий, крепкий. Должен быть выносливым, по идее.

- Выспаться нужно. Какой день уже в болоте...

Аким товарищей, честно говоря, не понимал, он никакой усталости не чувствовал и думал, что лучше побыстрее добраться до дома, отсыпаться и отъесть уже там. Но... Подумал Саблин, подумал и решил:

- Ладно, давайте выспимся, завтра схожу с утра к майору, раз он просил, а после сразу на лодку и домой.

И все этому были рады. Вечером, уже перед сном, Саблин, выйдя из помывочной, где провёл, наверное, час, обнаружил, что Кулькова и Калмыкова на их койках нет. Подумал, что они пошли на лодку, но и там их не нашёл.

- В заведение направились, – с неудовольствием произнёс он. Всяких рюмочных и чайных только у причалов было несколько. А ещё дальше по улицам горят зазывными огня-

ми другие... Побегашь еще, прежде чем их найдёшь.

- Ну а что же... – соглашался с ним Карасёв.

- Не высыпаятся они, видите ли... - бурчал недовольно Саблин. – До дома дотерпеть не могли.

- До дома... - говорит Мирон, чуть растягивая слова. – Да как тут утерпеть... Человек же, когда доспех снимает... значит, дело сделано. Значит, расслабиться нужно немного... Вот и пошли казачки, как положено...

На это Акиму сказать было нечего, кроме:

- Могли бы потерпеть три дня.

Майор Иванов его несомненно ждал. Не один. С ним в кабинете был ещё лейтенант. С планшетом, с картами, с блокнотом и карандашом. И одними: «здрасьте, спасибо вам, до свидания», конечно, не обошлось. Разведка есть разведка. И весь их разговор походил на встречу товарищей-профессионалов, что обсуждают какую-то тему, но на самом деле... Это была серьёзная беседа о произошедшем бое. О разгроме банды Чиёншоха. То, что разговор выйдет таким, несмотря на простую форму общения, Аким понял сразу, едва лейтенант спросил у него:

- Товарищ прапорщик, вы не против, если мы будем вести аудиофиксацию нашей беседы?

- Ну, не против, - согласился Саблин и следующие полтора часа отвечал на вопросы разведчиков. Причём, как он потом заметил, лейтенант спрашивал больше майора, при этом всё

время что-то отмечал у себя в блокноте.

А где это было? А в какое время? А он где находился? Какого калибра был миномёт? Вы были на связи? А где в это время были лодки лейтенанта? А где были вы? Когда вы слышали, что ведётся огонь? А с какой стороны? Сколько противников уничтожено? Сколько взято в плен? Скольким удалось, по-вашему, уйти? Сколько штатских освобождено? Какое количество среди бандитов имели... нечеловеческий облик? Сколько, какое, кто, сколько... Вопросы у разведчиков не кончались.

Саблин устал отвечать на эти вопросы. Хорошо, что дежурный подавал им чай два раза. А майор смеялся при этом:

- Замучили мы вас, прапорщик, ну ничего... Зато не будем вас просить написать рапорт об операции.

Нет, Аким всё понимал, для разведчиков информация – это сама суть их сложной и важной работы. И он отвечал, как мог, отвечал подробно и вспоминая мелочи. До тех пор, пока майор не стал интересоваться темами, которые, по мнению Акима, его не касались:

- Прапорщик, а кто же вам заказал этого нашего Чиёншоха?

Тут уже Саблин насупился, отпил из стакана чая и ответил:

- Не могу сказать. Дело коммерческое.

- Коммерческое? Ну ладно, - вздыхает Иванов. – А за что хоть его приговорили?

- Говорю же, дело коммерческое, - Аким не собирался ничего рассказывать разведчикам на этот счёт. – Видно, ошибся Глаз и ограбил кого-то не того.

- Хорошо, - кажется, майор готов был закончить разговор. – Ну а каково общее впечатление о подразделении, с которым вы взаимодействовали.

- Вот так навскидку... - размышляет Саблин. – Приличное подразделение. Дисциплина, техника, оружейка... Всё с этим в порядке. Видно, что лейтенант Фарафонов свой участок знает, своих людей знает, компетентный офицер.

- Да, - соглашается с ним Иванов, - он действительно офицер толковый, - а после добавляет как-то странно: - Вот только о будущем уж больно сильно переживает.

«Переживает о будущем?».

Аким явно не понимает подтекста сказанного, но подозревает, что этот подтекст имеется. Впрочем, прапорщик не собирается ничего выяснять, он думает, как бы побыстрее закончить встречу да сесть в лодку. И Иванов, словно чувствуя это, начинает с ним прощаться.

8 Глава 8

Он добирается до лодки и рад, что все уже на своих местах, все готовы, а Денис уже завёл двигателя... И, пока Саблин пробирается к своему месту, Кульков и говорит ему:

- Атаман, а ты этого... мальчишку того видел?

- Какого ещё? – не понимает Аким, а сам тем временем

достаёт свежий фильтр для респиратора.

- Да тот... - продолжает Николай, - ну, он из тех, что мы у бандитов отбили. Ну, на острове был... Помнишь?

Прапорщик ничего не понимает, он снял респиратор и меняет в нём фильтры, а потом надев его отвечает.

- Да, помню я его, и что?

- Так вон он, - теперь говорит Мирон. И кивает в сторону дальнего причала с лодками. – Вон, возле рыбарей трётся...

И Аким действительно видит паренька. Он всё в том же КХЗ размера на четыре больше нужного. Прохаживается по бетонному причалу. Кажется, без дела.

- Ну что, атаман, поехали? – говорит Денис и сам уже снимает швартов, сматывает его...

Моторы урчат еле-еле, готовые взречь, если нужно, готовые нести казаков к дому. Но Саблин медлит почему-то... Стоит и смотрит на одинокую фигурку, что слоняется без дела. Прапорщик как будто ждёт чего-то... А Денис снова его спрашивает:

- Аким, ну что, едем? Хорошо бы до Надыма засветло дойти.

Время... Да, да, да... Ему нужно побыстрее вернуться в часть. И это словно подталкивает Саблина.

- Обожди малость, - говорит он Калмыкову и выбирается из лодки. – Пойду попрощаюсь.

Саблин идёт к мальчишке, подходит ближе, но тот только бросил на него взгляд и отвернулся от казака. Не узнал его

без брони. Но Аким-то мальчишку признаёт по КХЗ и большим ботинкам.

- Михаил! – окликает его Саблин.

Тот оборачивается, смотрит на казака долго, прежде чем сказать:

- Здравсьте, дядя, а вы кто? – парень не узнает его голос, прошлый раз прапорщик говорил с ним только через динамики.

- Ну ты что... - Саблин указывает на цифры и буквы на плече своего пыльника, - не помнишь, что ли? Мы же с тобой говорили там, на острове.

- Вы казак! Вы тогда в броне были! – с радостью вспоминает мальчишка. – Говорили, чтобы я нигде не ходил...

- Вспомнил, значит... Ну... ты как?

- Я? Я хорошо, – сообщает мальчик. - Нас вечером ещё сюда привезли, у врача мы были... Мылись. Потом нам есть давали. А врач сказал, что у меня только истощение, а других болезней нет. Я вообще не кашляю. А от клеща меня намазали мазью, от вшей побрили, и вот... - он разжимает кулак, а там в обрезанном блистере несколько крупных белых таблеток, - таблетки дали, сказали пить по одной в день. Это от паразитов... И витамины.

«От паразитов и витамины?».

Рука у мальчишки грязная. И не скажешь, что он ночью мылся.

- М-м... - понимает Саблин. – А тут ты что делаешь?

- Тут, - парень оглядывается. – Мне там человек сказал, чтоб сидел я и коменданта ждал... Чтобы меня определили... А я ночью пошёл посмотреть, как рыбаки уходят за рыбой. Вышел к причалам. А потом меня обратно солдат не пустил. Там на входе уже другой был. Сказал, что посторонним в часть не положено...

- Ты тут, что ли, ночь провёл?

- Ага. В лодках, – отвечает Михаил. – Поспал немного.

- А когда ел, когда пил?

- Так вот, рыбаки утром возвращались... Я им помогал, они мне воды дали и улиток с лепёшкой.

Саблин оборачивается на свою лодку, а там все его товарищи... Смотрят на него и на мальчишку.

- А вы, дядь, куда теперь? – спрашивает пареньёк у него. – Наверное, в станицу свою поедете?

- Да, - отвечает Аким и снова поворачивается к пареньку. – Поеду. Слушай, Михаил, а ты что же... Только помогаешь, а сам, что, за рыбой не ходишь?

- Да как я пойду? – искренне удивляется мальчишка. – Дядь... У меня же лодки нет. И снастей, и мотора...

- А с отцом? Не ходил? – прапорщик уже спрашивал об этом, но сейчас больше ничего в голову не приходит. Он как бы боится начать нужный ему разговор, ходит, как говорится, всё вокруг да около...

- А когда отец в болоте сгинул, я ещё маленький был, куда мне за рыбой ходить... - поясняет парень.

Тут Аким ничего ему не говорит. Молчит, достал пачку сигарет из кармана, но не закуривает, мнёт её в руке... А мальчишка тогда и спрашивает его:

- А вы, дядя, за рыбой ходите?

- Ну а как... Конечно. Все казаки за рыбой ходят.

- И за рыбой, и на войну? – уточняет Михаил.

- И за рыбой, и на войну. Порядок у нас такой, – поясняет

Аким.

- А вы налима добывали? – интересуется Михаил.

- Налима? – Саблин в который раз уже разглядывает его КХЗ, мешковатый, да ещё и порванный на рукаве. Смотрит на то, как он подпоясан рваным старым ремнём. На большие, тоже не по размеру башмаки. – Налима я добывал, немного... то тяжёлая рыба; а у меня есть товарищ, который налимов вытащил изрядно... – и тут он спрашивает: – А ты, значит, тоже хочешь рыбу ловить?

- Да не берут меня, - отвечает Михаил. – Сколько раз просил, говорят, тощий я больно, говорят, что меня любой ёрш из лодки вытащит. Дядя Василий обещал, только говорит: подрасти, подрасти чуток... Тогда возьму...

Он замолкает, и Аким тоже молчит – сначала, а потом наконец решается:

- Поехали со мной. Я тебя рыбачить научу.

- Научите? – кажется, мальчишка не верит своему счастью.

- Да. Меня Акимом звать, - Саблин кладёт руку ему на

плечо. Чуть подталкивает его. – Поехали, а то некогда, нам до темноты нужно на Надым выскочить.

И Мишка пошёл с ним, повторяя:

- Акимом? Да?

- Угу, - Саблин ведёт его к лодке.

- А Надым – это что?

- Река такая; ты, что же, в рыбаки хочешь, а главную реку, что через всё Большое болото идёт, не знаешь?

- Так я же у Камня жил, а на Большом болоте и не бывал никогда.

- Вот и побудешь, – говорит ему Саблин, - Давай, прибавь шага, нас товарищи ждут.

- А далеко ваша станица?

- Три дня на восток отсюда.

- А как называется?

- Болотная.

- А много там рыбы?

- Всем хватает. Без улова не будешь.

Так они доходят до лодки, и Мишка спускается в неё, а за ним и Саблин. Мирон отталкивает её от пирса, Денис сразу начинает накручивать обороты. Мальчишка вертит головой, смотрит, куда ему сесть. Выбирает. А тут Кульков протягивает ему руку:

- Здорово, малый. Меня Николай звать.

- Меня Миша, – маленькая рука мальчика просто утопает в огромней лапище казака.

- Михась, значит... - говорит Кульков, - понятно. На руле у нас Денис. А вон наш самый умный... Дядька Мирон.

- Самый умный? – переспрашивает Михаил.

- Он у нас радист, а они себя всегда самыми умными считают, - поясняет Николай. – Самыми важными.

- Ага, есть такое... - смеётся Денис. – Белая кость.

- Балаболы, - беззлобно отвечает радист.

А пока товарищи шутят, прапорщик достаёт из рундука новый респиратор, качественный, дорогой. Подтягивает ремни до минимума и протягивает его мальчишке: надевай. Тот быстро надевает новый и отдаёт Акиму старый. Саблин выбрасывает его за борт: стекляшки сожрут.

Казак же посмеиваются, а их лодка выходит на открытую воду и потихоньку набирает ход. А Миша оглядывается назад. Там, позади, остались пирсы и стена военного городка. Парню не по себе, но большой Кульков хлопает его по плечу:

- Не робей, казак, всё будет ладно.

И Саблин, усевшись на своё место, был благодарен своим товарищам. Ни один из них ничего не спросил у него, не задал ни одного вопроса. Взял атаман парня в лодку – зачем, почему? Чего к человеку с расспросами всякими лезть? Если надо будет – сам расскажет. Так и поехали они на восток теперь впятером. К главной протоке Великого болота. К Надыму.

Мишку приходилось учить всему. В кубрик, не сняв КХЗ и ботинок, не соваться. Как есть, как мыться... Даже как

справлять нужду. А для мальчишки открылся целый мир. Быстрая лодка с почти волшебным кубриком, в котором можно помыться, полежать без КХЗ и в котором есть кондиционер. Хорошая еда и вода... Всё для него было в диковинку. И главное, его удивляли отношения между казаками.

- Дядя Аким, а почему все вас слушаются? – спрашивал он, когда Саблин говорил Денису свернуть в одну из протоков, и тот сразу выполнял пожелание прапорщика.

- Потому... - Аким не сразу нашёлся, что ответить. Думал сказать, что лучше всех знает эти места. Но это было бы неправдой, Денис тоже знал Надым неплохо.

- Потому что он старший по званию, - помог товарищу Карасёв. – Это если мы на войне. А тут мы все слушаемся Акима потому, что он самый опытный и знающий. И все это признают и с этим согласны.

- Значит, он командир? – уточнил мальчишка.

- Атаман! – поправил его Кульков. – Командир – это когда на войне. А когда в рейде, то атаман.

- Значит, мы в рейде? – спрашивает Мишка.

- Так точно, - откликается Николай.

По Надыму шли почти двое суток, не глуша моторов, а от него свернули на Преображенскую. Был вечер, когда на юге, почти у них по курсу, вспыхнул удивительно чёткий и прямой луч. Он уходил прямо в небо.

- Дядя Николай, а что это? Переделанные там?

- Да, - невесело отвечал Кульков. – Станция. Может, слышал.

- Так станций везде много, – заметил парень.

- Говорят, что таких, как эта, нет больше... - отвечал как зак.

- Люди мне рассказывали, что это самая большая в округе. Даже на Камне таких великих нет, - добавлял Карасёв.

- А что это за свет? – Михаил не отрывал взгляда от красивого луча.

- Никто не знает, - продолжал Мирон. – Разве что сами пришлые.

- А мы, что, прямо туда едем? – не отставал мальчик.

- Аким, а мы куда? – тогда интересуется Мирон.

- В Преображенскую, – откликается Саблин.

- Нет, мы идём в одну большую станицу, - поясняет Михаилу радист. – Она восточнее, чуть левее будет.

Они пришли в станицу уже утром. Мишка вышел из кубрика, стал потягиваться, а сам оглядывается. Интересно ему, станица-то большая, сразу за причалами начинаются дома.

- Пойдём, - говорит ему Саблин.

- Куда? – Мишка заволновался, это Аким почувствовал.

- Посмотрим тебе обмундирование, – отвечает ему Аким.

- Обмундир... А это что? – не понимает мальчик.

- Одежду тебе новую справят, – поясняет мальчишке Кульков. – Эта твоя – не по уставу. К нам в станицу в таком виде нельзя.

- Да, - вставляет Калмыков, оглядывая мальчика и посмеиваясь. - Старики тебя в таком КХЗ не допустят дальше мостушек.

- Денис знает, что говорит, - поддерживает Калмыкова Кульков. - Потому что каждый казак должен вид иметь такой, чтобы не позорил свою станицу и свой полк перед другими станицами. Ты ведь теперь у нас будешь жить.

Мишка ему не отвечает, он не знает, где будет жить, а просто смотрит на Акима, а тот подталкивает его к причалу:

- Вылезай, КХЗ новый купим, ботинки. Николай прав, человек должен выглядеть прилично, а не как бракованный на Камне.

Жадничать он не стал и купил в недорогом магазине всё, что нужно маленькому человеку, проживающему на болотах. КХЗ и сапоги на размер больше, чем нужно, – на вырост. Респиратор и очки. От новых очков Мишка обалдел поначалу, так хороши они были. Но это пока прапорщик не купил ему пояс с подсумком и ножом в ножнах и небольшой ранец, где была фляга и коробка для еды. И оставалось ещё свободное место, как пояснил мальчику Аким: для боезапаса. Пару гимнастёрок с брюками и две пары белья. И умелая продавщица помогла Мишке одеться и подвела его к зеркалу в рост.

- Ну вот, - говорил Саблин, глядя на мальчишку, который стоял и смотрел на себя. – Теперь обмундирование и амуниция в порядке.

- Это всё мне? - не верил Мишка.

- Ну, я-то в это точно не влезу, – замечает ему Аким.

- А это всё? – мальчик показывает на пакет со своим старьём, что принесла ему продавщица.

- А это... Это всё не нужно. Это выбросим.

Они сделали ещё кое-какие покупки, прапорщик рискнул и приобрёл жене новый комбинезон, не серый и не болотный, а... красный; детям купил кое-чего, и через три часа они с Мишкой, увешанные покупками, вернулись на пристань. А Мирон уже свой ящик с доспехом вытащил на причал.

- Ты чего? – не понял этого Саблин.

- Аким, я тут с казаками местными погутарил, они обещали меня до большака подкинуть, а там я дальше посуху попуткой, так быстрее до дома доберусь, - пояснил Карасёв.

И в этом был резон.

- Ну, тогда давай, - Саблин протянул ему руку.

- Давай, - Мирон пожал её и после говорит: – Может, ты меня сейчас считаешь?

- А! Ну да! – вспомнил Аким. Они залезли в лодку, и атаман отсчитал казаку, что причиталось. Потом тот поблагодарил его и общество за хорошую компанию и удачный рейд, попрощался со всеми, включая мальчишку, закинул свой немалый багаж на квадроцикл местному казаку, и они уехали.

А в свою родную Болотную казаки приехали к вечеру, Аким ещё подумал, что это хорошо, что сегодня не придётся ему в часть идти, докладывать, что вернулся он из рейда. И

можно будет отдохнуть до утра. Они, как обычно, остановились и причалили на дальней мостушке.

- Дядя Аким, Болотная? - немного волновался Мишка. Из лодки сам не вылезает, глядит, как к ним ковыляет дед Евгений.

А тот дошёл и, поздоровавшись, начинает:

- Значит, с рейда все вернулись.

- Все, дедушка, - откликается Калмыков, он снимает кожухи с двигателей и ключом выкручивает свечи. Проверяет их на копоть. - Все, слава Богу.

- Ну, храни вас Господь, казаки, - продолжает сторож, а сам разглядывает всё, что в лодке, и, конечно, видит мальчишку. - А это у вас что, никак, казачок нового прибора?

- Может, и так, - отвечает Саблин, выкладывая ящики с минами на мосток. - Может, и казачок. Посмотрим, как пойдёт.

- Так вы уезжали, с вами такого не было, - старик не отходит от Мишки. - Прибился в рейде, значит.

- Да, помогал понемногу, - продолжает Аким. Кульков уже выбрался на пирс и помогает атаману выгружать из лодки ящики с бронекостюмами. - Говорит, рыбарём стать хочет.

- О, - с уважением произносит дед Евгений. - Ну тогда, малец, считай, что тебе повезло, с тобой в лодке два лучших рыбаря на всю нашу станицу: Аким и Денис, а Денис так ещё и налимщик. Они тебя научат рыбу из воды тягать, - и тут

хитрый дед вдруг поворачивается к прапорщику: - Аким?!

- Чего, дедушка? – откликается Саблин. И тут же догадывается: – Что, сигаретку тебе?

- Дай, Акимка, уж больно они у тебя вкусные.

Казак посмеиваются: вот хитрый дед какой, старый льстец. А потом приехал доктор Пивоваров, забирать снаряжение из лодки.

И пока Пивоваров расспрашивал Акима про рейд, Мишка сидел между мужчинами и молча смотрел в окна, разглядывал вечернюю станицу. Машина большая, станица незнакомая, электростанция, красивое здание офицерского общежития, подсвеченное с наступлением темноты. Всё ему было интересно. Всё удивляло мальчика. А Пивоваров про него задал всего один вопрос и, поняв, что Саблин по своему обыкновению ничего особо говорить не хочет, больше о мальчишке не спрашивал. Они договорились встретиться на следующий день. В госпитале.

«Этим тоже рапорт будет нужен».

9 Глава 9

Это у казаков и у доктора было чувство такта, и никто из его товарищей за всю дорогу, как и Пивоваров при встрече, не спросил у него, зачем он взял с собой этого мальчишку. Настя же... Нет, она не собиралась ни перед кем раскланиваться.

- Господи, а это кто? – жена смотрит на мальчишку с удив-

лением. – Аким?

- Это Михаил, - отвечает Саблин.

Тут уже и Наталка выбежала и смотрит на мальчика, что встал у двери и никуда не идёт, не раздевается, даже респиратор ещё не снял, мнётся с ноги на ногу, видно, что робеет.

- А кто это? Ты где его взял? – интересуется дочь.

- Нашёл на болотах, - отвечает отец. Он стягивает сапоги, ставит их в угол и говорит: – Михаил, ну что встал? Раздевайся.

Мишка так и не спросил у него ничего с того момента, как они пришвартовались у пирсов в Болотной. Он только выполнял распоряжения Акима да оглядывался по сторонам.

- На болотах! – ахнула жена. – Он хоть не хворый какой?

- Нет, - отвечает Саблин. Прапорщик сам на это надеется. – Вроде доктор его проверил. Завтра в наш госпиталь отведу. Пусть его ещё раз проверят на болезни.

- А он с нами будет жить? – снова интересуется дочка.

- Сегодня переночует, а завтра его в интернат определю, - объясняет ей отец. И видит, что после этого его жена немного успокаивается: раз в интернат – то ладно. А Аким продолжает: – Михаил, ну что ты встал там? Давай, раздевайся. У нас тут как в кубрике: в сапогах и КХЗ – нельзя, – Саблин глядит на жену и добавляет: - И кошевой на этот счёт очень серьёзный.

Настя молчит, поглядывает на мужа и помалкивает, но по её виду понятно, что у женщины есть что ему сказать. Саб-

лин даже посмеиваться стал, так чтобы она не видала: как она только терпит, чтобы не начать спрашивать его? И чтобы как-то отвлечь жену, он интересуется:

- А Олег-то где?

- Да с ребятами пошёл на круг. Сказал, что вернётся до десяти, – отвечает жена, а сама глаз от Мишки не отводит.

- На круг? А свинья опоросилась?

- Шесть поросят, - откликается жена. – Олег за всем проследил, сказал, что теперь нужно кормов где-то взять. наших припасённых точно не хватит до урожая.

- Прикупим, рыбой разбавим, наловлю авось... - говорит Саблин беззаботно.

Он продолжает улыбаться, украдкой поглядывая на жену. Когда спать лягут, она за это своё нынешнее терпение уж отыграется. И пока муж уселся за стол, взяв дочь на руки, пока стал расспрашивать её про кашель и самочувствие, Настя и продолжает:

- А ну, Михаил, пойдём... Покажу тебе, где у нас тут что, а ты помоешься...

Саблин жену знает: нет, это неспроста она мальчишку зовёт с собой. Проверять будет на клещей и вшей. А ещё выведывать у него всё, что получится.

«Ох, Настёна...».

И пока они не ушли в помывочную, он окликает жену:

- А кормить-то ты нас будешь?

- Пока помоешься, всё будет... - обещала жена.

Так и получилось; сначала мылся Мишка, потом Аким, и когда он уже вышел из душа, жена принесла ему бельё и не ушла. Он опять усмехается, зная, что у неё к нему разговор и больше она терпеть не в силах:

- А ты видел у него на спине... Он клещом кусан, и голова выбрита, вши у него были...

- Да, врачи его проверили, обработали...

- Ой, Аким, притащишь в дом эту гадость, намучимся все потом, – предупреждает супруга. - Это же потом всё бельё, всю одежду кипятить... Весь дом мыть, скоблить...

- Завтра отведу его в госпиталь, перед интернатом... - обещает Саблин. Он собирался это сделать. Без справки из госпиталя всё равно парня не возьмут в интернат. – Там его проверят как следует.

- В госпитале денег попросят, – замечает ему супруга. И опять в её голосе упрёк.

- Да и Бог с ними, с деньгами, – отвечает Саблин без всякого сожаления. – Я заработал малость. Думаю, хватит.

- Ты где хоть его взял-то? – не выдерживает супруга. Видно, что любопытство берёт над нею верх.

- Может, покормишь сначала?

- Я спать его на кухне положу, - предупреждает Настя и уходит из душа. Наконец.

- Ну... хорошо, – на кухне так на кухне. Он знал, что если не сказать ей про интернат, то разговоров будет до утра. И разговоры те будут и с волнениями, и с упрёками, а может

даже, и со слезами.

«Вот и ещё один рапорт нужно будет сочинять! Сегодня же. Рапорт номер три... Или даже номер один. Многовато у меня всякого руководства».

И это было ещё не всё. Чуть позже ему позвонил... конечно, Сашка. От Кулькова узнал, что казаки вернулись из рейда. И Акиму пришлось ему кое-что рассказать. Он не любил говорить по телефону, но тут пришлось... Минут десять рассказывал заму, как сходил. И хорошо, что по телефону, а то Саня по простоте своей завалился бы в гости на ночь глядя. А потом ещё и Олег вернулся с гулянки, и нет бы спросить у отца как он сходил, где был, рассказать, как дела в хозяйстве, так он сразу:

- Бать, а что ты за парня-то привёз? Он к нам навсегда?

Ну и, конечно же, жена. Она вся красивая, причёсанная, улеглась с ним, но вместо того чтобы мужа целовать, она обращается к нему ему строго, почти зло:

- Так, Аким, давай поговорим серьёзно, без этих твоих шуток и отговорок.

Ой, бестолковая женщина. Всё бы ей болтать, всё бы спрашивать. И тогда Аким отвечает ей:

- Там в ранце у меня подарок для тебя.

- Подарок? – только что злая была, а тут сразу злость и отлегла. – Какой ещё?

- Иди смотри.

Пошла, разве она поленилась за подарком сходить? При-

несла тот комбинезон, что он ей в Преображенской купил. Сидит, смотрит на мужа с упрёком и молчит.

- Чего ты? Недовольна, что ли?

- Да куда я в таком пойду? Это же для девок незамужних!

- Брось ты это. В таких вон все медички из госпиталя ходят, - говорит ей муж. - Ходят - не стесняются.

- Так то городские! - восклицает жена и начинает разворачивать вещь, приглядываться к ней. И причитать: - О Господи! Срамота же!

- Зря ты... - замечает ей муж. - Хорошая вещь, красивая. Как раз к тем сапогам, что лежат у тебя уже годы и ты их не надеваешь.

- Ой, Аким, - сомневается жена и всё вертит комбинезон в руках, - была бы ещё хоть молодая.

- Да ты ещё молодая, - убеждает Настасью супруг.

Саблин в этот вечер и ночь рассказал больше, чем рассказывал кому-то за всю предыдущую неделю. Ну никак супруга не могла успокоиться насчёт мальчишки. А он, между прочим, провёл в лодке и во всяких неудобных местах почти две недели. Да и разговаривать был не любитель. В общем, заснул Аким едва не на полуслове.

Утром, ещё четырёх не было, он был уже в полку. А там что...? Зашёл в курилку, конечно же, казаки стали спрашивать про рейд, опять пошли разговоры. Но это от жены никуда не деться, а тут пара фраз: на Камень ходил, по просьбе

хороших людей, кое-какое дело... А мальчишка? Конечно, про Мишку уже вся станица знала... Мальчишку подобрал. Сирота он. В интернат привёз. Казаки его рассказом были явно не удовлетворены. Нет, им его ответов, больше похожих на отговорки, было мало. Но их, в отличие от супруги, интересовало дело. С кем воевали, чего добыли? Но раз молчун Саблин на этот счёт не распространялся, сильно станичники на подробностях не настаивали. Казаки народ хитрый, покуривали и кивали: ну понятно, понятно. А сами, в том прапорщик был уверен, уже думали, как бы им Кулькова или Калмыкова в чайную заманить и у этих любителей выпить всё и выспросить. Эти болтуны за рюмкой уж точно молчать не будут.

«Надо бы им сказать, чтобы языки не распускали».

Но Саблин так себя больше успокаивал: разве пьяного человека заставишь не похвалиться своими подвигами, когда собутыльники за столом тебя только о том и просят.

Слава Богу, Саня пришёл и вытащил его из круга однополчан. Отвёл в сторону.

- Ты глянь, насели, - смеётся Каштенков, поглядывая на казаков. – Ох и любопытный у нас в станице народ, – он закуривает и сообщает мимоходом приятную для Акима весть: - Сотник уехал, уже три дня его нет.

- Уехал? – Саблин радуется. – Куда?

- На Енисей, на центральный склад, говорят, новые кирасы смотреть. Он, полковник и ещё разное начальство, – про-

должает Каштенков. – Все укатили. Кроме Тарана. Этот на месте каждый день. Но ему не до тебя. Он сейчас бумагами занят.

«Слава Богу. Хорунжий не будет лишними расспросами и рапортами донимать, можно, пока сотник не вернётся, быть спокойным, хоть пару дней».

И он спрашивает у зама:

- А что за кирасы-то?

- Ну, новая модель... Те шлемы, что мы уже получили, вот к ним кирасы, это всё одна серия, - поясняет Саня и добавляет: - Говорили, что кираса будет держать попадание двенадцати миллиметров с двух сотен метров.

- Да ладно?! – не верит Аким.

- Ну, как мне сказали, так и говорю, - объясняет зам.

- А во взводе как дела?

- Порядок, пять дней назад смотр провёл, - докладывает Каштенков. – Всех собрал на плацу, чтобы руководство в окошко видело, оружие, амуницию, броню перебирали... Технику выгнали... Всё, в общем, проверили. Урядникам объявил все последние приказы по полку, сказал, чтобы довели до казаков, в общем, порядок. Короткович приходил, вроде довольный был, – и тут он вспоминает: – А, да... Ещё народа набрал, у нас теперь недобор всего два человека.

- Молодняка насобирал? – интересуется Аким.

- Ну а что делать? Стариков к нам не дозовёшься, – и всё это Саня сообщил ему быстро, как будто на плацу отчиты-

вался, и теперь хотел поговорить с товарищем о рейде и о привезённом мальчишке.

- Значит, у тебя всё в порядке? – интересуется прапорщик.

- Да всё нормально, – уверяет его зам. – Подробности будут?

- Ладно, отвезёшь меня в госпиталь, по дороге расскажу.

- Отвезу, – сразу соглашается Каштенков. – А что, опять спина?

- Угу, – кивает Аким. – И ещё хочу парня проверить, справка для интерната нужна будет.

10 Глава 10

Ещё не было пяти, а Пивоваровы его ждали в госпитале. Оба. И Розалия сразу обратилась к мальчику:

- Так... Вы, если я не ошибаюсь, Михаил?

- Чего? – не понял Мишка. Он озирался по сторонам. Для него пребывание в таком чистом месте – с приглушенным светом, где нет окон, да ещё и достаточно прохладном, – судя по всему, в новинку. Люди в светлых одеждах, тишина... Он с интересом оглядывает всё вокруг.

- Вас зовут Михаил? Да? – она присаживается рядом с ним.

- Да... Миша меня зовут. – наконец понимает он.

- У вас классный нож, – Розалия прикасается к рукояти ножа. – Прапорщик сказал, что вас нужно полностью обследовать...

- Да меня уже... меня обследовали врачи солдатские, - отвечает ей парень. – Недавно...

- Нужно провериться ещё раз, это же не больно... Не волнуйтесь.

- А кровь?! – вспомнил мальчик, и тут в его голосе послышались нотки страха.

- Ничего... Не умрёшь, - говорит ему Аким. – Иди с этой госпожой, она всё сделает. Я буду ждать тебя тут, – и он подтолкнул парня к Розалии... – Давай. Это приказ. Выполняй. Я всё оплачу, - сказал Саблин Розалии.

- С этим разберёмся, - беспечно заметила женщина и увела мальчика в лабораторию, а мужчины поднялись в кабинет зав. отделением и там уже, без лишних глаз и ушей, начали разговор.

- Значит, наш родственник смог вам помочь?

- Помог, - соглашался Аким. Вчера вечером они уже говорили об этом, и он не думал, что нужно всё ещё раз рассказывать, кроме самого главного. И именно на этом Саблин и акцентировал свой «доклад» этому странному доктору: - Только тела Глаза так и не нашли. Я не знаю, что сказать заказчику.

Артём Сергеевич заваривал чай и потихоньку расспрашивал Саблина, как ему казалось, о всяких мелочах. Как вели себя моторы? Кто ему непосредственно помогал в том деле? Видел ли он сестру Розалии? Но среди этих простых вопросов попадались и такие, от которых Аким немного напрягал-

ся:

- Послушайте, Аким, а как вы доложите о задании заказчику? Вы можете с ним связаться?

- Нет, - прапорщику приходилось врать. Ни о голых женщинах из далёких болот за Енисеем, ни о Панове из Туруханска Саблин никому рассказывать не собирался. Он ведь обещал. – Буду ждать от него весточки.

Пивоваров ставит на столик стаканы с чаем.

- Ну, если нет другого способа выйти с ним на связь... Значит, будем ждать... - и, взяв свой стакан, вдруг спрашивает: – А что будете делать, если весточка от заказчика не придёт? – прапорщик берёт свой стакан и думает, что бы ответить, но ничего ему в голову не приходит. И зав. отделением продолжает: – Вы ведь как-то должны получить вознаграждение. Всё-таки большую работу сделали, разгромили крупную банду. Почти две недели по болотам болтались...

«Что ж тебе дался тот заказчик? Чего он тебе покоя не даёт?».

И опять Аким не знает, что ответить, он отпивает немного чая, очень даже неплохого, и наконец произносит:

- Найдёт, должен. Для него это важно, насколько я понял. Да и задаток я кое-какой получил.

А тут в кабинет пришла Розалия и сообщила:

- С мальчиком всё в порядке, им занимаются.

И вот из неё-то вопросы просто посыпались; ночью она дежурила и забирать снаряжение на пирс с мужем не приез-

жала, и теперь, конечно, хотела услышать сама всё то, что Аким рассказал Пивоварову ночью, пока они разгружали машину. Она села даже не с Пивоваровым рядом, а на диванчик с прапорщиком, брала стакан мужа, пила из него чай и спрашивала, спрашивала...

Что было в дороге? Каких людей он с собой брал? Как его встретил майор Иванов? Как помог? И ещё много всяких других вопросов. Она хотела знать всё, причём даже то, что женщине должно быть не интересно. Например: как шёл бой? Сколько бандитов пришло с Глазом? И ещё куча других, никак не касающихся её вопросов.

«Какая же нудная баба! – прапорщик невольно сравнивал её со своей женой и думал, что в настырности и любопытстве Розалия Пивоварова вряд ли уступит его Настасье. А вот в дотошности и въедливости даже её и превзойдёт. – Ну зачем тебе знать про привезённый мной пулемёт? Кстати, его нужно снять будет! Отвезти домой!».

По возможности он отвечал ей односложно, но кое-где она переспрашивала, требуя от него развёрнутого, а иной раз и подробного ответа. И тогда он, хоть и коротко, рассказывал ей о том, что ей было интересно. Причём, как только она пришла, её муж почти всё время молчал и только слушал их. И Саблин уже не сомневался в их...

«Розалия верховодит, а он – так...».

И только под конец, когда Аким уже допил свой остывший чай и показательно отказался от второго стакана, намекая,

что ему пора и честь знать, лишь тогда, как бы подводя итог этой беседы, Артём и сказал ему:

- Аким, я надеюсь, вы нас понимаете... Это всё не праздное любопытство...

«Не праздное? А какое?».

- ...Олег был нашим большим другом. Он многое для нас сделал, а вы как раз тот человек, который может... который взялся его спасти... Вот мы на вас и наседаем поэтому...

- На самом деле мы вам очень, очень... - тут заговорила Розалия. Она и так сидела к прапорщику... близко. Так близко, как не принято в казачьем обществе, чужая всё-таки женщина, замужня. А тут ещё, на глазах у собственного мужа, положила свою тонкую прохладную руку на тяжёлую ладонь казака и продолжает: - ...благодарны.

А Саблина от этой ситуации – током прошибло, он чувствует себя очень неловко. Так неловко, что даже свою руку из-под её стесняется вытащить... Обидеть, что ли, её боится... И Розалия, не замечая смущения казака, хотя смотрит ему прямо в лицо, заканчивает: – Мы знаем, Аким, что Олегу никто, кроме вас, помочь не сможет, вы надёжный товарищ и очень... - она тут даже вздохнула, - хороший человек.

Да уж... что тут сказать... Умела эта женщина ввести его в краску, хорошо, что хоть её муж пришёл Саблину на помощь, встал и протянул руку для рукопожатия. Аким тоже поднялся.

Мишку в принципе уже отпустили из лаборатории, но медсестра сказала, что ещё нужно полчаса, чтобы получить данные и написать ему справку. А пока было время, Пивоварова и говорит им обоим:

- Пойдёмте ко мне, Аким. На процедуры. А вы, Михаил, посидите там. Я вам кое-что дам.

Ну, Саблин отказываться не стал, снова неудобно было, тем более что процедуры ему нравились. Ему казалось, что после уколов и массажа он чувствовал себя лучше. Розалия дала мальчику витаминов в виде конфет, а прапорщику сделала укол, уложила его в массажное кресло и запустила его. А сама села у изголовья и каким-то прибором на проводе стала водить ему по горлу, по шее, по голове.

- Чутьочку активизируем лимфатические узлы, маленькая стимуляция им не помешает, разгоним лимфу...

Ну, что сказать, эти процедуры были приятны; а Пивоварова продолжала:

- А как вы себя чувствовали во время похода?

- В смысле: как чувствовал? – не понимает прапорщик.

- Ну, недомогания, боли, утомление...

- Нет. Ничего такого, – он начинает вспоминать рейд, свои ощущения, но ничего подобного не припоминает. – Нормально чувствовал.

- Две недели в КХЗ, в лодке. И ничего? – не отстаёт она.

- Я с детства в КХЗ и в лодках, - отвечает Аким. – Обвыкся уже. Тем более я часть времени был в броне, а там аэрация,

хладоген.

- Значит, никаких улучшений вы не почувствовали? – продолжает расспросы Розалия.

Нет, не почувствовал... Но тут прапорщик вспомнил, что к концу рейда его товарищи чуток утомились, просили время отоспаться. И если с Карасёвым оно было понятно, человек последние призывы дослуживать собирался, то Калмыков и Кульков были Акиму, ровесниками, в год-два-три разницы. И он сказал ей:

- Ну, разве что к концу рейда я был посвежее моих товарищей.

- М-м... Значит, будем продолжать, - говорит Пивоварова с заметным удовлетворением. А потом, чуть ближе наклонившись к Саблину, так что он почувствовал её какой-то вкусный запах, женщина почти шепчет ему: - А мальчика вы почему взяли с собой? Зачем он вам?

Станный вопрос. Саблин смотрит на неё снизу вверх и, честно говоря, удивляется ей в который уже раз: женщина, а не понимает. Потом косится на мальчишку, что сидит у стены и на них внимания совсем не обращает. И потом Аким отвечает ей:

- Ему податься некуда, его родителей людоловы изловили, его тоже, он с того острова, что мы отбивали у бандитов.

- М-м... - понимающе произносит она и больше вопросов на этот счёт не задает.

А ещё Розалия устроила так, что деньги за анализы и об-

следования Михаила с него взяли небольшие, скорее для вида. Всё-таки Мишка не являлся членом казачьей семьи, то есть членом местного общества.

Школа, в которой находился и интернат, была в двух шагах от госпиталя. И едва они свернули за угол медучреждения, как увидели десятки детей в разноцветных пыльниках на площадках вокруг школы. И Миша, кажется, опять заволновался.

- А мы туда идём?

- Туда, – отвечает Саблин. – А ты никак робеешь?

- Да нет... Только больно там детей много.

- А там, где ты жил, детей было меньше, что ли?

- Поменьше, – говорит парень.

Саблину показалось, что сначала он хотел взять его за руку, да потом постеснялся, что ли, и тогда Аким сам находит руку мальчика.

- Не бойсь, обвыкнешься. Поначалу тут, в школе, все робеют.

Мальчишки и девчонки с интересом разглядывают их, побросали свои игры и смотрят. Ну а как иначе? Новенького ведут, а в станице новые дети не так уж часто встречаются. Кто-то из детей, видно, кто-то из соседских ребят, узнаёт Саблина:

- Здравсьте, дядя Аким! А кого вы к нам ведёте? Откуда он такой?

- Здорово, казак, - нейтрально произносит Саблин. – Скоро узнаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.